

A detailed portrait of Don Juan of Austria, a prominent figure in the Spanish Golden Age. He is depicted from the chest up, wearing ornate plate armor with red and gold decorative elements. He has a beard and mustache, and his gaze is directed slightly to the left. The portrait is set against a dark, patterned background and is framed by an elaborate, golden, scrollwork border. The overall style is characteristic of 16th-century European portraiture.

РЫЦАРЬ ИСПАНИИ

ИСТОРИЯ ДОНА ХУАНА АВСТРИЙСКОГО
(1547–1578)

МАРДЖОРИ БОУЭН

Марджори Боуэн
Рыцарь Испании

«Accent Graphics communications»

1913

Боуэн М.

Рыцарь Испании / М. Боуэн — «Accent Graphics communications»,
1913

Увлекательный исторический роман о любви и интригах, основанный на жизни дон Хуана Австрийского. В то время, когда три молодых принца решают, кто из них больше заслуживает внимания прекрасной Донны Анны Сантофимии над Алькалой собираются грозовые тучи... В то время как дон Карлос, принц Испании, получает шанс, внебрачный брат короля, дон Хуан, завоевывает, в конечном итоге, сердце дамы. Но амбиции, религиозные войны и махинации королевской семьи разделяют молодых влюбленных. Дон Хуан должен взять свою судьбу в свои руки, чтобы защитить тех, кого он любит, и саму Испанию, от раздоров, которые угрожают уничтожить страну.

© Боуэн М., 1913

© Accent Graphics
communications, 1913

Содержание

Часть I. Голубая роза	6
Глава I. Гроза	6
Глава II. Донья Ана	11
Глава III. Дон Карлос	18
Глава IV. Дон Фелипе	21
Глава V. Эскориал	26
Глава VI. Третья королева	31
Глава VII. Дон Хуан уезжает	36
Глава VIII. Алтарное облачение	41
Глава IX. Конец приключения	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Марджори Боуэн
Рыцарь Испании
История Дона Хуана
австрийского (1547–1578)

© Перевод Лабутиной Т.К.

© Под ред. Абрамичева И. В.

Часть I. Голубая роза

Глава I. Гроза

Трое молодых людей шли по одной из самых тихих улиц Алькалы.

Богатое платье и учтивые манеры позволяли отнести их к числу знатных юношей, обучающихся в университете Алькалы, который ученостью не уступал университету Саламанки, а популярностью превосходил его. Университет создал высочайшую репутацию этому маленькому городку на реке Энарес, который теперь, в зените своей славы, представлял хитросплетение великолепных дворцов, монастырей и университетских колледжей в обрамлении старинных городских стен.

Был самый разгар лета, воздух дрожал от жара, низкие, пурпурно-черные тучи наползали, клубясь, с равнин в сторону Мадрида, временами их пронизывали последние лучи яростного солнца, угасая желтоватой дымкой на белых стенах и цветных ставнях безмолвных домов тихой улицы, по которой, прогуливаясь, шли трое юношей. Двое из них шагали, держась за руки и разговаривая между собою, третий шел немного впереди, скрестив руки на груди и устремив взор в землю.

На повороте улицы стоял красивый дворец, окруженный двором, в котором росли кусты лавра и остролиста. Молодые люди остановились перед ним и стали рассматривать сквозь легкую, но прочную кованую ограду. Удивительный отблеск падал на фасад дворца, полностью обращенный на запад, и его купола и башни сияли золотисто-белым светом на фоне темно-пурпурного грозового неба.

Легкий горячий ветерок, предвестник грозы, шевелил жесткие ветви лавра и тревожил алую занавеску, прикрывавшую открытое окно наверху.

Именно оно притягивало взгляды юношей, ведь это было окно комнаты доньи Аны Сантофимия-и-Муньятонес, дамы, которая слыла самой красивой в Алькале и волновала воображение всех юношей, обучавшихся в университете, несмотря на то, что никто из них никогда не говорил с нею и не видел ее ближе, чем через двор, окружавший дворец ее отца.

Перед ее окном был балкон, на нем пышно цвели в горшках три куста розовых роз и рос базилик – четкая ажурная тень его листьев падала на белую стену.

Трое студентов медлили, ожидая, не покажется ли в окне сама красавица, скорее в силу привычки, нежели действительно желая увидеть ее.

Она показалась из-за алой занавески, в ее руке были золоченые ножницы, которые поблескивали на солнце.

Она была одета в белую юбку и фиолетовый жакет, застегнутый на зеленые пуговицы, ее голову покрывала кисейная шаль с серебряной бахромой.

Она вышла на балкон и стала срезать с розовых кустов увядшие листья, они трепетали в горячем воздухе и падали вниз.

Один раз она взглянула в сторону ворот, где стояли юноши, но ее лицо оставалось спокойным. Гроза стремительно приближалась, поглощая солнце, послышались раскаты грома, и черные тучи угрожающе сомкнулись над городом.

Молодой человек, который держался несколько в стороне от своих спутников и казался самым старшим, посмотрел на небо и пошел прочь.

Двое других были готовы последовать за ним, но в этот момент дама сорвала одну из розовых роз, прижала ее к своим губам и затем протянула по направлению к ним. Они застыли совершенно неподвижно, третий юноша вернулся на прежнее место и тоже стал смотреть.

Донья Ана приподняла шаль и позволила ей соскользнуть на плечи. Юноши увидели ее смуглое лицо, пышные пряди черных волос и две нитки коралловых бус вокруг ее шеи.

Оглянувшись внимательно по сторонам, она быстро подняла ладони с выпрямленными десятью пальцами, затем указала на ворота и исчезла. Розовая роза и ножницы остались лежать на балконе – там, куда они упали, выскользнув из ее рук. Трое юношей переглянулись. Каждый почувствовал укол ревности, поскольку было совершенно неясно, кому из троих предназначалось послание.

В этот миг молния прорезала пурпурный полумрак, и упали первые тяжелые капли дождя.

– Пойдемте ко мне, – сказал самый старший из юношей, – гроза разразится прежде, чем вы успеете добраться домой.

Остальные согласились, и все трое поспешили по другой, более оживленной улице к роскошному дому, расположенному возле городской стены. Когда они достигли его, дождь хлынул в полную силу, низвергая хлещущие серебряные струи.

Хлопком ладоней призвав слуг, молодой хозяин приказал подать ужин, а затем проследовал за своими друзьями в комнату, оформленную в мавританском стиле в черных и темно-красных тонах.

Едва он закрыл дверь, все трое рассмеялись, как смеются молодые люди, к тому же предвкусывающие увлекательное приключение.

Юноши были весьма примечательны и, хотя наружность их очень отличалась, в них все же было что-то общее.

Самому старшему из них не было и двадцати лет, но он уже достиг своего полного роста, был высок, пропорционально сложен, и его облик дышал силой и энергией.

Его лицо с тонкими чертами было необыкновенно привлекательно. Смуглая кожа, волнистые черные волосы, орлиный профиль, большие глаза и полные губы выдавали в нем уроженца южных краев, и действительно он был наполовину итальянцем, но испанская кровь и испанское воспитание придали ему суровое благородство и исполненную достоинства учти-вость, не характерные для народа, к которому принадлежал его отец.

Правильность черт его лица нарушала, хотя и без ущерба для привлекательности, несколько выдающаяся вперед нижняя челюсть, и эта особенность, одинаково характерная для всех троих молодых людей, и была той чертой, которая придавала им, таким разным, видимость сходства.

Он был одет богато, хотя для его возраста и несколько мрачно, в черный бархат. На нем были короткий дублет, стянутый завязками из фиолетового шелка, темно-красные шоссы и черный короткий шелковый плащ с алым подбоем, а на поясе сбоку висела короткая шпага в прекрасных золоченых ножнах.

Другие двое юношей были ближе друг к другу по возрасту, на год моложе него. Их внешность, манеры и поведение были совершенно не схожи.

Один из них был худощав, осанист, грациозен и полон сил, статен и крепок. Его облик был необыкновенно очарователен, у него было удлиненное лицо, серые глаза, рыжеватые волосы, кожа персикового цвета, а на лице и шее играл легкий румянец. Выражение его лица было веселым и гордым, и тысяча возможностей таилась в юном огне его взгляда.

Он носил свои оранжевые и ярко-красные одежды с беззаботным видом, но вполне осознанно радуясь их богатству и земному величию того, что они собой символизировали.

Другой был ниже среднего роста, слабым, болезненным и худым, с одним слегка ссутуленным плечом, его бледное лицо выглядело вполне обыденным, кроме разве нижней челюсти, которая выступала у него больше, чем у двух других молодых людей. Выражение его лица также можно было счесть ничем не примечательным, если бы не печаль и горечь, сквозившие во взоре бледных блуждающих глаз.

Его простая черная одежда была поношенна и небрежна, но под обмякшими и запачканными брыжами он носил золотую цепь с бриллиантами и рубинами невиданной красоты. Было заметно, что он капризно и требовательно льнул к светловолосому юноше, не обращая внимания на второго, его поведение отличалось нетерпимостью и высокомерием, и его товарищи обращались с ним с известной предупредительностью.

Сейчас он, казалось, пребывал в состоянии возбуждения. Ринувшись к окну, он распахнул его навстречу буре, которая бушевала над Алькалой.

– Дон Алессандро, – властно сказал он, – что имела в виду донья Ана? Его голос был пронзителен и неприятен, и когда он говорил, его члены бесконтрольно подергивались.

Темноволосый юноша ответил мягким и спокойным голосом.

– Она имела в виду, что один из нас должен прийти сегодня в десять часов вечера к воротам ее дома, – сказал он. – Конечно, это, дон Карлос.

– Но кто именно? – последовал раздраженный вопрос.

Дон Алессандро слегка пожал плечами.

– Разве можно угадать, кого выбрала женщина? – сказал он.

Удар грома в горячем воздухе сопровождал его слова, и дон Карлос сжался за оконной створкой и злобно посмотрел на небо.

Тогда выступил вперед третий молодой человек, который до сих пор сохранял молчание.

– Будем тянуть жребий? – предложил он мягким голосом. – Или кто-то один из нас докажет, что у него есть преимущество перед остальными?

– Никто из нас не знаком с ней, дон Хуан, – ответил дон Алессандро, – и все мы писали ей письма...

– Разве есть в Алькале хотя бы один кабальеро, который не писал? – легко сказал дон Хуан. – Сейчас модно быть влюбленным в донью Ану.

Вспышка молнии озарила комнату, и дон Карлос отпрянул от окна, пронзительно взвизгнув, подобно испуганному животному, когда вслед за нею раздался удар грома, он зажал уши руками, трепеща всем телом, и громко закричал.

Остальные двое потупили глаза, не глядя ни на него, ни друг на друга; он отер пот, выступивший на его узком лбу, и взглянул на них украдкой.

– Хорошо, тянем жребий, – выдохнул он, нервно стискивая платок в своих длинных руках.

Дон Хуан положил на стол свой черный бархатный берет.

– Только не кости! – вскричал дон Карлос; он нервно сорвал три кольца со своих пальцев, два простых чеканных золотых и один с квадратным изумрудом. – Это, – показал он на драгоценный камень, – донья Ана. Он коварно и криво улыбнулся остальным, положил три кольца в берет и встряхнул его.

– Тяните жребий, – пронзительно скомандовал он, – и посмотрим, кому достанется дама!

Двое других обменялись взглядами. Дон Алессандро приподнял брови, а дон Хуан улыбнулся одними глазами, когда гром и молния вновь заставили дон Карлоса, трепеща и рыча, броситься в кресло. Когда все закончилось, он был мертвенно-бледен, легкая пена показалась на его искривленных губах.

– Я первый! – вскричал он, вскочив на нетвердых ногах и засовывая руку в берет.

С глупым смехом он достал из берета изумруд.

– Она моя! – воскликнул он. – Я выиграл!

Смуглые щеки дон Хуана вспыхнули: он отвернулся к окну и посмотрел на Алькалу, осыпаемую серебряными струями дождя, однако дон Алессандро сказал мягко:

– Конечно, она принадлежит Вашему Высочеству.

Дон Карлос взглянул на него с перекосившим его лицо выражением подозрения и злорада.

– Нет! Ты думаешь, что я схитрил, – сказал он. – Как всегда, придираешься, кузен. Дон Хуан, нам пора домой.

Он говорил с привычным высокомерием, поскольку последний удар грома уже был слабым, и было ясно, что гроза на исходе или что она была лишь предвестником другой, которая разразится позже.

В любом случае, сейчас гроза закончилась, и к дону Карлосу вновь вернулось мужество. Он снова надел кольца и взял за руку дону Хуана.

– Мы уходим, – сообщил он.

– Вы не останетесь на ужин? – спросил молодой хозяин с формальной вежливостью.

– Нет! – нелюбезно ответил дон Карлос.

Хуан рассмеялся, но Алессандро не изменился в лице.

– До свидания, кузен, – сказал он.

Карлос не удостоил его ответом, лишь топнул ногой и потащил Хуана прочь. Когда они вышли на улицу, оказалось, что дождь все еще идет, но черные тучи расступились, открыв пурпурный закат, и купола и башни Алькалы блестели от влаги и сияли золотом в последних лучах заходящего солнца.

Двое юношей отправились домой, их покои находились в архиепископском дворце, построенном кардиналом Хименесом, сейчас содержавшемся под стражей в Вальядолиде.

Карлос крепко стиснул руку своего друга, шагая с горячным нетерпением и вздрагивая под дождем. Хуан, который относился к нему со снисходительным добродушием, запел короткую песню, популярную среди университетских кабальеро, и не обращал никакого внимания на его брюзгливые жалобы.

Когда они вошли во дворец, Карлос с интересом взглянул в сторону привратничкой, которую они миновали, входя во двор. В тени низкого дверного проема сидела молодая девушка, перебирая новую пряжу для работы и посматривая, как капает дождь.

Ее лицо, обнаженные шея и руки сияли в полумраке, и оранжевый платок, которым она повязала голову, скрепив золотыми булавами, казался драгоценным убором.

Когда молодые люди проходили мимо, она опустила свои загорелые руки на черную юбку и посмотрела на них.

– Это дочь привратника, – прошептал Карлос.

Его щеки порозовели, и он вздрогнул.

Хуан безразлично посмотрел на нее, она зарумянилась и серьезно и почтительно присела в реверансе.

Девушка следила за ними взглядом, пока они шли через двор. Когда же они вошли во дворец, она поднесла руки к своей высокой груди и беззвучно рассмеялась, показав крепкие белые зубки.

– Она красивая женщина, – пробормотал дон Карлос.

– Кто, донья Ана?

– Нет, дочь привратника.

Они стояли рядом в полумраке большого зала, и Карлос все еще держал руку Хуана.

– Я иногда играю на гитаре под ее окнами, – сказал он тихо, – и она обещала встретиться со мной в саду сегодня вечером.

Мышцы дону Хуана слегка напряглись, он молчал, сумрак скрывал его лицо. Карлос тоже помолчал немного, затем произнес почти со злобой:

– Какое мне дело до Аны Сантофимия-и-Муньятонес?

Хуан стоял настороженный, но молчал.

– Я не пойду сегодня, – добавил Карлос раздраженно.

– В сад? – осторожно спросил Хуан.

– Нет, к воротам дома доньи Аны. Возможно, будет еще гроза. И дочь привратника гораздо красивее, она пышная и румяная, как Мадонна...

– Вы выиграли, когда мы тянули жребий, – тихо сказал Хуан.

– Сходи вместо меня – скажи ей, что я не смог прийти.

– Она не ждет вас, – вырвался у доня Хуана яростный шепот, но он тут же громко произнес:

– Она будет разочарована.

– Да, – согласился Карлос, – но я не могу пойти.

Он отбросил руку Хуана и медленно пошел вверх.

– Иисусе! – воскликнул Хуан, перекрестившись, – вот удача!

Глава II. Донья Ана

Когда дон Хуан подошел к дому Сантофимия-и-Муньятонес, гроза вернулась и вновь забушевала в небесах.

Яростная вспышка молнии и удар грома усилили волнение молодого человека; он ждал, дрожащий и напряженный, перед высокими коваными воротами, украшенными гербами.

Он не был влюблен в донью Ану, но он любил жизнь, и донья Ана была прекрасной частью жизни. Кроме того, приключение таило в себе некоторую опасность, и эта опасность делала его еще более соблазнительным.

Он взял с собою троих слуг, которые, вооруженные до зубов и со шпагами наголо, стояли на страже на темных улицах в нескольких шагах от ворот.

Было начало одиннадцатого. Время от времени молнии озаряли купола и башни Алькалы, вспыхивающие на фоне черного неба. Дождь стучал по листьям кустов олеандра и сирени. Дон Хуан чувствовал его капли на своем лице, когда смотрел вверх, и на тыльной стороне ладоней, которыми он обхватил мокрые железные прутья.

Было очень жарко. Хуан не мог припомнить, чтобы он когда-либо прежде так чувствовал жару – и темноту.

Слабый, затуманенный дождем огонек фонаря показался во дворе, затем приблизился, и в его свете стали видны ветви кустов с длинными, темными листьями, блестящими от струящейся по ним воды, и белый чепец под капюшоном несущей фонарь женщины.

Затем огонек еще более приблизился и осветил дону Хуана.

Женщина засмеялась еле слышно.

– Значит, это вы, – сказала она.

Дождь усиливался, его струи пронзали свет фонаря подобно серебряным дротикам. Хуан увидел служанку в темной накидке и полотняном чепце, которая смотрела на него со смесью любопытства и опасения во взгляде.

– Вы! – повторила она.

Он не ответил; он помнил, что пришел сюда лишь волею случая, и не думал, что знак доньи Аны был предназначен ему. Он был уверен, впрочем, что ее знак не предназначался и бедному Карлосу, – конечно, ее внимание привлек Алессандро, который ничем не уступал утонченным кавалерам Алькалы или самого Мадрида.

Но женщина отперла ворота, и дон Хуан ступил во двор. Он уже больше не чувствовал волнения, лишь любопытство. Он никогда не общался с женщинами близко, за исключением двух своих приемных матерей: Аны де Медина, жены императорского музыканта, и доньи Магдалены де Ульоа, жены благородного Луиса Кихады. Хуан любил эту женщину как родную мать. Следуя за служанкой и ее тусклым фонарем через темный двор, он гадал, похожа ли донья Ана на донью Магдалену. Он думал, что, должно быть, она совсем другая. Упругие мокрые листья кустов легко касались его плеч, и сырой гравий хрустел под его ногами, но очень тихо, поскольку, как истый испанец, он умел ходить осторожно и незаметно, и его грациозная поступь была так же легка, как и шаги женщины.

Служанка отперла боковую дверь.

– Хозяин в отъезде, – прошептала она, – но все равно проходите тихо, если вам дорога честь моей госпожи.

– Шаг мой легок, а язык сдержан не менее чем у любого в Испании, – ответил он.

Она взяла его за руку, поскольку лестница была винтовой и очень темной, и осторожно повела.

Они проходили мимо окон, за которыми сверкали молнии; снаружи грохотал гром, и казалось, что он сотрясает дом до самого основания. Дон Хуан настолько запутался в лабиринте коридоров и лестниц, что не смог бы без посторонней помощи отыскать дорогу обратно.

Он чувствовал легкую брезгливость ко всей этой игре женщины в таинственность, хотя и понимал, что она необходима. Стала бы она так же принимать дону Алессандро или даже Карлоса? Сколько других рыцарей поднималось по этим ступеням? Если он был первым, это было бы великой честью для него, но будь он даже вторым, он пожалел бы, что пришел.

Охваченный этой внезапной мыслью, он освободил свою руку от руки своей провожатой и ступил в темный холл.

– Почему твоя госпожа принимает меня? – спросил он. – Не дитя ли она прихотей и капризов?

Женщина повернула фонарь, так что свет упал на его лицо.

– Иисусе! – вскричала она гневно. – Неужели моя благородная госпожа снизошла до кабальеро, который задает такой вопрос? Вам следует войти со смирением, поскольку моя госпожа удостоивает вас чести, к которой тщетно стремился каждый рыцарь в Алькале.

– О! – ответил Хуан. – Она несравненна, веди меня к ней.

Она качнула фонарем по стенам, затем отодвинула в сторону тяжелую парчовую портьеру и ступила в комнату, которая была ярко озарена янтарным светом.

– Госпожа, – сказала она, – кабальеро здесь.

Она задула фонарь и сняла свою накидку.

Стены комнаты были белыми, открытые окна выходили на балкон, по которому хлестал дождь. Вдоль одной из стен стояли черный шкаф с полками и черный стол, около другой – два черных стула и молитвенная скамейка. Пол был выложен красной и золотой плиткой с фантастическими узорами. Угол занимали прялка и корзина пряжи.

Рядом с внутренней дверью, скрытой тускло-желтой занавесью, стоял сундук с откинутой крышкой, из которого свисали шелковые и шерстяные ткани и ковры, окрашенные в яркие цвета.

На длинном ложе с цветочным узором, инкрустированном перламутром, склонив голову на алые подушки, возлежала донья Ана.

Ее пышные юбки из тонкого белого шелка с золотой вышивкой по кромке укрывали почти все ложе и касались красно-желтого пола.

На ней был зеленый шелковый жакет, поверх которого ниспадала складками большая кисейная шаль, в ее темных волосах поблескивал высокий металлический гребень, инкрустированный золотом и кораллами, а на шее была нитка коралловых бусин. Она была очень красива.

Как только Хуан вошел, она села и, сцепив руки, сложила их на коленях. Он снял свою черную шляпу.

– Сеньора, – сказал он, – я целую ваши руки.

Она встала; служанка подошла к окну и задернула занавески.

– Кто вы? – надменно спросила донья Ана.

Она была очень красива.

Молния ударила, вызвав дрожь в недрах темного дома, и в душе Хуана также внезапно возникло новое горячее желание чем-то быть, что-то делать, достигнуть чего-то такого, что позволило бы ему дать ответ на вопрос этого гордого создания.

Его смуглая чистая кожа вспыхнула от унижения, он отбросил назад свой серо-коричневый плащ и опустился на одно колено.

На тускло-голубой парче его дублета, полускрытая кружевными краями пышных белых брыжей, поблескивала массивная цепь, звенья которой в форме кремней и кресал были выполнены из чистого золота и стали, а в центре висело золотое руно.

– Орден Золотого руна! – пробормотала донья Ана, отпрянув от него.

Он открыл ей один из своих титулов.

– Я сын Карла V, – сказал он и коснулся рукой роскошного знака на своей груди, символа самого авторитетного ордена в Европе.

Донья Ана села на край ложа и закрыла лицо ладонями. Ее пальцы были длинными, она не носила колец.

– Иисусе! – сказала служанка. – Дождь ломает розы.

Она осторожно открыла ставни и внесла в комнату два горшка с цветами, по одному в каждой руке. Розы безжизненно поникли под ударами дождевых струй, и вода капала с их листьев на красно-желтый пол.

Хуан поднялся и посмотрел на донью Ану. Шаль соскользнула с ее головы, и он увидел, что в ее темные волосы вплетена голубая бархатная роза.

Она уронила руки и заговорила; ее голос был тихим и хриплым.

– Тереса, – сказала она, – кого ты привела ко мне?

Молния ударила за открытыми ставнями, когда служанка внесла в комнату еще два залитых водой горшка с розами. Она остановилась, все еще держа их в руках, и с недоумением посмотрела на Хуана.

– Кабальеро, который пришел к воротам, – ответила она.

Затем она увидела орден Золотого руна на его груди.

– Святая Дева! – воскликнула она.

– Вы не знали, кто я? – спросил Хуан.

– Откуда мне знать хотя бы одного из рыцарей Алькалы? – горько ответила донья Ана.

Он слышал, что она никогда не покидала дома иначе как в сопровождении троих или четверых человек, но он и предположить не мог, что она жила такой затворницей; это сделало ее еще более удивительной в его глазах.

– Господи! – вскричал он. – Может быть, вы и писем не получали и не слышали серенад?

– Я никогда не получала ни единого письма, – ответила она, – и меня заставляют спать в той части дома, которая обращена во внутренний двор, где слышен только плеск фонтана и иногда пение соловьев.

Хуан подумал обо всех подкупленных посредниках и обо всех музыкантах, которых нанимали играть перед домом Сантофимия-и-Муньятонес.

Он рассмеялся. Затем вновь посерьезнел.

– Сеньора, – спросил он, – значит, вы не приглашали меня? Тогда я уйду.

Теперь он с презрением думал о насмешках дон Карлоса и о той легкости, с которой он сам согласился пойти на встречу вместо инфанта. Она подняла на него взгляд.

– Почему вы подумали, что я обращалась к вам? – спросила она.

Кровь бросилась ему в лицо, он покраснел до корней своих пышных золотых волос, новое острое чувство пронзило его сердце. Она смотрела прямо на него, в ее глазах сияло что-то дикое и чудесное; и ему показалось, что янтарный свет, который изливали две лампы на стене, проходит сквозь нее, и она вот-вот растворится и исчезнет в золотом сиянии.

Он не мог признаться ей, что пришел к ней без намерения.

– Ваше послание было предназначено мне? – спросил он, затаив дыхание.

Она отвернулась.

– Я не знала, что вы принц, – уклончиво сказала она.

– Дон Хуан Австрийский! – прошептала служанка. Белым куском ткани она вытирала лужи воды, которые четыре горшка с розами оставили на гладких плитках пола.

– Кто были другие два кабальеро? – спросила донья Ана.

– Более высокий – дон Алессандро, герцог Пармы, сын Оттавио Пармского и Маргариты, дочери моего отца...

– А горбун, должно быть, был с вами, чтобы вас развлекать.

Хуан побледнел.

– Иисусе! – перекрестился он. – Он – инфант дон Карлос, единственный сын короля.

– О! – хором воскликнули женщины.

– Мне следовало это знать, – торопливо добавила донья Ана, – но вы ведь совсем недавно в Алькале.

Хуан сразу представил себе, какой прием мог ожидать дон Карлоса; он был рад, что она избежала ярости принца, которую навлекла бы на себя, если бы показала ему свое отвращение; он знал, каким мог быть Карлос.

Он сел на один из жестких черных стульев. Он чувствовал, что служанка смотрит на него с любопытством, а донья Ана – настолько пристально и пылко, что ее взгляд смутил и взволновал его.

– Вы за мной посылали? – тихо спросил он.

– Да, – она поднесла ладони к коралловым бусам на своей шее. – Я так часто видела вас, как вы проходили мимо моего дома.

– Каждый рыцарь Алькалы был бы рад услужить вам, – сказал он.

Гром грохотал все глуше, дождь уже не хлестал с прежней силой. Донья Ана наклонилась вперед, послышался легкий шелест ее тонкой белой шелковой юбки.

– Вы тоже писали мне? – спросила она. – Вы тоже посылали мне серенады?

– Да, – ответил он, – хотя я и не знал тогда, насколько вы восхитительны.

Она упала на алые подушки и закрыла глаза.

– О! – воскликнула она. – Зачем я это сделала? Я больна, я одержима, мое сердце болит, болит. Я страдаю, я так страдаю. Оставьте меня, дон Хуан, и забудьте.

Он поднялся и приблизился к ней; он долго глядывался в ее лицо, нежное и свежее на ярко-алом фоне, смотрел на длинные локоны, сколотые поблескивающим гребнем, на тени длинных ресниц, видел трепет ее полных губ и пульс, бьющийся на ее округлой шее.

На ее щеках был легкий пушок, а в ушах длинные грубые золотые серьги в форме пшеничных колосьев, которые сейчас, покачиваясь, касались алых подушек. Он подошел к изголовью ложа и наклонился над нею; маленький жакет зеленого шелка на тугой шнуровке облегал ее грудь, а пышные белые юбки скрывали очертания ее ног вплоть до пряжек маленьких туфель.

– Сеньора! – сказал он.

Она открыла глаза, и он увидел, что они наполнены слезами, как чашечки цветов бывают наполнены росой.

Благоговейный трепет и грусть, дотоле ему неизвестные, тронули его сердце.

– Ана, – сказал он.

Она вновь закрыла глаза, и слезы потекли по ее щекам.

– Я не знала, что вы принц, – прошептала она.

Он положил руку на орден Золотого руна и сказал горькую правду, которую никогда прежде не облекал в слова.

– Я также и крестьянин, – произнес он.

Донья Ана не ответила. Гром проворчал в последний раз, уже далеко; дождь закончился, но было слышно, что вода еще продолжает капать с ветвей кустов, растущих вокруг дома.

Служанка открыла ставни, и в окне показались пурпурное небо с уплывающими прочь черными облаками и восходящая полная луна.

Дон Хуан присел на край черного ложа; его юное лицо было расстроенным и задумчивым.

– До одиннадцати лет, – продолжил он, – я жил в Леганесе у императорского музыканта Францискина Масси. Я ходил в школу босым через поля, одетый как крестьянин.

Он повернул голову, немного скованно из-за высоких, до самых ушей, брыжей и тяжелой орденой цепи.

– Затем, к глубочайшему изумлению жителей деревни, прибыла карета и увезла меня в Вильягарсия, где донья Магдалена, – да хранит ее Господь! – стала мне как дорогая и уважаемая мать. Оттуда меня привезли в Куакос около Юсте, и в монастыре в Юсте я присутствовал при кончине императора, – да упокоит Господь его душу! – и все это время я не знал, что был его сыном. Затем, после того, как мы вернулись в Вильягарсия, дон Луис Кихада, мой опекун, взял меня с собой на охоту в монастырь Сан-Педро-де-ла-Эспина, и там мы встретили короля, который сказал мне, что я его брат, и дон Луис помог мне сесть на лошадь и поцеловал мою руку. Господи! Я не знаю, рад я этому или огорчен. Карлос будет королем, а я даже не инфант.

– Вы сын императора, – ответила она, – и король возвысит вас.

– Король поступил очень благородно по отношению ко мне, – ответил дон Хуан, – и послал меня сюда, в Алькалу, с моими племянниками Карлосом и Алессандро. Он явно оказывает мне честь, хотя я и не являюсь инфантом Кастилии.

Он посмотрел на нее.

– Почему я так говорил с вами? – вскричал он.

– Почему вы пришли? – ответила она.

Они склонились ближе друг к другу; она протянула ему ладони, и он взял их в свои, ее пальцы были горячими в его руках; он подумал, что она очень похожа на стручок чилийского перца, таящий под гладкой, блестящей, тонкой и нежной кожицей яростное пламя.

– Может ли хоть одна женщина в Старом или Новом Свете сравниться с вами? – сказал он, взяв обе ее ладони и положив их на орден Золотого руна. – Господи! Ради вас я мог бы совершить великие дела.

– Нет, – ответила она, – лишь будьте со мною. Но это невозможно, – быстро добавила она. – Иисусе! Как тягостна жизнь! Смогли бы вы любить меня? Смогли бы вы быть верным, дон Хуан?

Ее влажные губы были слегка разомкнуты; они были столь же алыми, как и коралловые бусы на ее шее.

Он прижал ее ладони к своему орденскому знаку, так что Золотое руно впилося в ее кожу, но она не пожаловалась и не попыталась отстраниться.

– Я мог бы любить вас, как любят Святую Деву! – воскликнул он. – Или как мужчина может любить самую прекрасную женщину на свете!

– А могли бы вы любить меня больше, чем ваши честолюбивые замыслы? – спросила она.

– Как вы узнали о моих честолюбивых замыслах? – отпрянул он, вздрогнув.

– Вы хотите быть наследником, – выдохнула она, – вы хотите быть королем.

В его глазах вспыхнули золотые огоньки, как отблеск света на богато инкрустированной шпаге.

– Да, – сказал он.

– Ах, любите меня, и пусть так и случится! – ответила она.

Некоторое время он пристально вглядывался в ее обращенное к нему лицо, затем выпустил ее руки и поднялся.

– Господи! – воскликнул он. – Что вы сделали со мною? Что вы сделали со мною такого, что изменился весь мир?

– Ах! – прошептала она. – Вы тоже страдаете! Вы страдаете, как я страдала с тех пор, как впервые увидела вас, когда вы метали дротики в цель на берегу реки Энарес!

Она откинула волосы назад, голубая роза и гребень уже почти не скрепляли ее прическу.

Служанка взяла горшки с цветами и отнесла их обратно на балкон. Ночь была ясной, в небесах разливалось серебряное сияние луны, и теперь, когда дождь прекратился, был ясно слышен плеск фонтана.

Дон Хуан подошел к ложу, опустился рядом с ним на колени и прижался горячим лбом к струящимся складкам ее белых юбок. Надушенный шелк был прохладным, как вода в жаркий полдень.

Донья Ана легко провела руками по его волосам, склонившись над ним с сочувствием и нежностью, на ее ладонях остались синяки от соприкосновения с орденом Золотого руна, и когда он поднял лицо и покрыл их поцелуями, она почувствовала боль. Служанка отошла от окна и приблизилась к ним.

– Уже поздно, моя благородная госпожа. Сеньор, вы должны уйти.

– Нет, нет, – простонала донья Ана. – Пусть он останется, позволь ему остаться со мною.

Затем она отняла руки и слегка качнулась всем телом.

– Нет, сейчас еще не время! – воскликнула она. – Идите, идите же!

Она стремительно вскочила, и голубая роза, выпав из ее прически, ударила по губам дона Хуана, который продолжал смотреть на нее, стоя на коленях.

– Ах, Господи! – воскликнула служанка. – Неужели вы никогда не уйдете, принц?

Он поднялся на ноги; в правой руке он сжимал голубую розу.

– Могу ли я прийти снова? – спросил он.

– У вас в руках залог моей благосклонности, – сказала донья Ана и показала на бархатный цветок.

– Когда я могу прийти?

– Завтра возвращается хозяин, – сказала служанка, – но вы можете передать письмо через Эуникию, старую женщину, которая чешет шерсть у реки. И мы договоримся о времени.

– Зачем мне ждать? – спросил дон Хуан властно. – Положите голову мне на плечо и позвольте мне поцеловать ваши волосы. Я женюсь на вас. Ваша честь не потерпит, чтобы я посещал вас тайно, как вор.

– Увы! – донья Ана отпрянула к белой стене. – Король вас не послушает.

Хуан засмеялся.

– Я не раб королю, – сказал он. – Вы плачете? Плачьте же на моей груди.

– Ступайте же – смерть и позор грозят мне, если вас здесь обнаружат.

Служанка подняла с пола его плащ и накинула ему на плечи.

– Я приду снова, – сказал он, – на этот раз не скрываясь.

– Приходите, как вам будет угодно, – ответила она, – но приходите. Я люблю вас, сама не знаю, почему. Приходите скорее, я буду ждать.

И она закрыла свое горящее лицо руками. Она стояла, прижавшись к стене под лампой, и ее тень дрожала рядом с ней.

– Прежде чем уйти, я поцелую вас, – сказал Хуан, – и вы будете думать обо мне, пока я не приду снова.

Не двигаясь и не говоря ни слова, она отрицательно покачала головой.

Тогда Хуан наклонился и поцеловал длинную тень, которая падала от нее на стену; он был сейчас почти так же бледен, как белые маленькие брыжи из расшитого батиста, которые жестко подпирали его подбородок; на его лбу выступил пот, в губах не было ни кровинки.

Он долго смотрел на нее и дважды как будто был готов заговорить, но оставался безмолвен. Служанка взяла его за руку и вывела наружу.

Теперь им уже не нужен был фонарь, поскольку лестницы были освещены лунным светом, лившимся из окон.

Они вышли во двор, напоенный густым ароматом растений, в котором сладость жасмина и жимолости мешалась с тонкой горечью алоэ и плюща.

Фонтан взметал струю серебра, которая обрушивалась с монотонным шумом в гладкую округлую мраморную чашу. С боязливой поспешностью служанка провела Хуана через двор и отперла ворота.

– Вы вернетесь к моей госпоже? – нетерпеливо прошептала она. – Вы не забудете ее, несмотря на то, что вы сын императора?

Хуан воздел правую руку, на указательном пальце которой сверкал рыцарский перстень.

– Клянусь перед Богом, я вернусь, – сказал он.

Служанка заперла за ним ворота и бегом бросилась к безмолвному дому.

Глава III. Дон Карлос

Когда дон Хуан вернулся к себе, во дворец кардинала Хименеса, то увидел, что ворота отперты, через них торопливо вбегают и выбегают люди с факелами и фонарями, а во всех окнах горит свет.

Такая суматоха в столь поздний час немало озадачила его, и он, отправив слуг узнать, в чем дело, решительно направился к главному входу. Там толпились люди. Среди них дон Хуан увидел дона Алессандро – тот, как всегда, спокойно и приветливо поздоровался с ним.

– Меня только что вызвали, – сказал он. – Его Высочество упал с лестницы и серьезно ранен.

– Господи! – воскликнул Хуан.

– Он хотел исполнить серенаду девчонке привратника, – продолжил герцог Пармский, – а лестница была неосвещенной и к тому же ветхой. Он поранил голову чуть выше уха и очень испугался.

Хуан молчал. Туча затмила мир, казавшийся пронизанным необыкновенным сиянием. Он знал, что ему следовало быть рядом с Карлосом. Король, а также их наставник Онорато Хуан возложили на него обременительную обязанность наблюдать за похождениями инфанта, и до сих пор он оправдывал их ожидания, однако теперь недоглядел и произошло несчастье.

Алессандро внимательно рассматривал его в отблесках факелов, которыми рабы-мори-ски освещали низкую арку входа.

– Я думал, он пошел к особняку Сантофимия, – начал он.

Хуан побледнел и кратким жестом попросил его замолчать.

– Так, значит, это ты пошел туда, – тихо сказал герцог Пармы.

– Нет, – сердито ответил Хуан. – Я не имею никакого отношения к донье Ане. Я тоже был уверен, что туда пошел Карлос.

Правой рукой он сильно сжал голубую розу.

Глаза дона Алессандро сверкнули, затем он зевнул.

– Господи! – воскликнул он утомленно. – Почему за мной послали? Уже прибыли три доктора и отправлен гонец к Его Величеству. Все, что можно было сделать, уже сделано, и я мог бы уже спать в своей постели.

– Принц сильно ранен? – испуганно спросил Хуан.

Алессандро кивнул.

– И спрашивает о тебе, – сказал он хладнокровно. Хуан уже повернулся, поспешно уходя, когда герцог Пармский окликнул его.

– Придумай правдоподобное объяснение, почему ты не был с принцем сегодня. Завтра прибудет король.

Хуан нахмурил брови, оглянувшись.

– Я молился в церкви Сан-Паоло, – сказал он.

– Твоя одежда мокрая насквозь, – улыбнулся Алессандро. – Или в церкви шел дождь?

Хуан снял плащ, который действительно был весь сырой от дождя, свернул его и молча пошел вверх по лестнице.

Едва скрывшись с глаз наблюдательного Алессандро, он спрятал голубую розу на груди под дублетом.

Она уже начинала становиться для него священной, символом иного, идеального мира, мира, который ему предстояло открыть и обрести. Однажды, совершив великие дела и прославившись, он вступит в этот мир и положит голубую розу к ногам доньи Аны, которая будет сидеть и ждать его...

Комнату инфанта освещало полсотни свечей, воздух был пропитан ароматом душистых трав.

Три доктора окружили кровать принца, а два раба держали поднос с бинтами для перевязки, стаканами и пузырьками.

Карлос лежал распростертый под балдахином из пурпурного дамаста, все еще одетый в роскошный алый с серебристым отливом наряд, его пышный воротник был расстегнут и обрамлял голову, покоящуюся на подушке, полукругом батиста и кружева.

Он лежал с полузакрытыми глазами и приоткрытым ртом, из раны над его правым виском сочилась кровь.

Никогда прежде он не казался Хуану столь уродливым, каким показался в этот момент, никогда его сутулость на одно плечо не была столь заметна и никогда не было столь очевидно, насколько его правая нога длиннее левой.

Его лицо с мелкими чертами было изборожденным морщинами, как у старика, изможденным и мертвенно-бледным, однако в надменном взоре горели ярость и гордыня.

Увидев Хуана, он издал короткий вскрик.

– Подойди! – закричал он. – Почему ты бросил меня сегодня? Я поранился, я болен!

Хуан быстро подошел к нему; он дрожал от ужаса при мысли, что Карлос произнесет имя доньи Аны. Ему показались, что врачи покосились на него с любопытством, освобождая место около огромной, осененной балдахином кровати.

– О, Господи! – пробормотал он, перекрестив сначала сердце, а затем губы.

Карлос нетерпеливым жестом пригласил его присесть, и он опустился в кресло черного дерева, расписанное ало-зелеными цветочными гирляндами и инкрустированное перламутром, которое стояло справа от изголовья.

Бедный инфант сжал руку Хуана и закрыл глаза.

– Теперь я смогу уснуть, – сказал он.

Один из врачей шепнул Хуану, что рана не опасна, и отошел вглубь комнаты. Остальные последовали за ним.

Хуан сидел, не шевелясь. Его влажный плащ лежал на подлокотнике. Он был благодарен, что Карлос позабыл о донье Ане, но ему претило находиться в этой роскошной душевной комнате, он ненавидел даже самого несчастного юношу, чьи тощие пальцы, вцепившись, держали его руку.

Он повернул свою красивую голову и окинул долгим взглядом уродливое создание, которому предстояло унаследовать Старый Свет и Новый, унаследовать Испанию, Нидерланды, Сицилию и половину Италии, унаследовать Индии и Америки, а возможно, и Англию, если бы король сумел воплотить в жизнь план женить своего болезненного сына на Марии, вдове французского короля Франциска и по праву рождения королеве далекой Шотландии.

Хуан с силой сжал пальцы свободной руки в кулак так, что ногти впились в ладонь. Он желал оказаться на улице, под светом луны, или в темноте собственной спальни и думать о донье Ане, о том, что он должен сделать и что сделает, прежде чем въедет верхом в главные ворота дома ее отца.

Она догадалась, что он честолюбив, и теперь он жаждал доверить ей свои честолюбивые замыслы. Он действительно желал быть инфантом Кастилии – и королем.

Его сверкающий взор был прикован к Карлосу. У Хуана было все, чего недоставало увечному юноше, кроме одного – права рождения.

Ах, если бы только он был сыном не только Карла V, но и его королевы, если бы только его мать была королевских кровей, а не фламандской крестьянкой.

Ах, если бы! Тогда, конечно, он смог бы изменить мир.

Впрочем, он намеревался изменить его в любом случае. Возможно, его подвиги помогут ему снискать даже еще большую славу благодаря трудностям, с которыми он столкнулся

в начале пути. Он стиснул зубы и обвел взором комнату. Ее украшали шелковые гобелены с изображением побед Франциска Первого, и все эти пики и флаги, мечи и кирасы, шатры и лошади вызвали в его душе такой же трепет, какой он чувствовал, глядя в глаза доньи Аны.

Взволнованный и неподвижный, он сидел, сжимая руку больного юноши. В комнате было очень жарко, и от сильного запаха благовоний и лекарств он почувствовал легкое головокружение. Он вновь посмотрел на дона Карлоса и попытался осторожно высвободить руку.

Принц тотчас же открыл глаза и беспокойно повернулся, так что повязка съехала на висок.

– Ты что же, хочешь уйти? – ворчливо спросил он. – Ты совершенно не беспокоишься обо мне!

– Я останусь, – сказал Хуан.

Карлос еще крепче сжал его запястье.

– За королем послали? – спросил он шепотом. Его глаза горели горячечным возбуждением.

– Да, – сказал Хуан.

– Король разгневается, – добавил Карлос и усмехнулся. – А королева огорчится.

Хуан не ответил. Он знал, что бедный принц был опечален, когда король сам женился на Елизавете Валуа, изначально предназначенной в жены его сыну, знал также и то, что принц питал трогательную привязанность к своей нежной мачехе, и это не нравилось его отцу.

– Королева огорчится, – повторил Карлос. – Хуан, ведь она будет огорчена?

– Вся Испания будет огорчена, – осторожно ответил Хуан, – если вы будете больны.

Карлос поднес руку к вороту своего ярко-красного дублета и вытянул из-за пазухи небольшой портрет в самшитовом футляре, висящий на золотой цепочке.

Хуан знал, что это портрет кузины принца, эрцгерцогини Анны, светлый образ которой внушал Карлосу безрассудную страсть.

Принц прижал портрет к своим губам и принялся бормотать:

– Почему король медлит? Почему снова и снова откладывает мою женитьбу?

Он беспокойно заметался из стороны в сторону, не выпуская руку Хуана.

– Король унижает меня при каждом удобном случае, – захныкал он.

– Ваше Высочество, – сказал Хуан, – четыре принцессы претендуют на вашу благосклонность, и Его Величество еще не решил насчет эрцгерцогини.

Внезапно Карлос резко выдернул свою руку из руки Хуана и сел на кровати. Портрет, покачиваясь, повис на цепочке. Повязка на голове принца стала алой от свежей крови, которая вновь потекла из открывшейся раны. Его лицо было мертвенно бледно и искажено, он стиснул кулаки и с яростным воплем воздел их над головой.

– Я ненавижу его! – завизжал он. – Ненавижу! Не пускай его ко мне! Не пускай! Я не позволю снова отнять у меня невесту!

Он упал навзничь, сотрясаясь в конвульсиях, пена показалась на его искривленных губах, его пятки бились об одеяло.

Хуан вскочил и позвал врачей, а затем упал на колени и до тех пор горячо молился за жизнь королевского сына, пока сам едва не лишился чувств от жары, резких запахов лекарств, согбенной позы и тяжести своих парчовых одежд.

Глава IV. Дон Фелипе

Дни и ночи Карлос был на пороге смерти. Лихорадка терзала его, правую половину тела парализовало, и он впал в горячечный бред. Дни и ночи Хуан пребывал у его постели, бодрствуя, молясь и перебирая четки.

Принц постоянно чувствовал его присутствие, звал его, стоило ему лишь ненадолго прийти в себя, и успокаивался только после того, как сжимал его руку своими. Именно к Хуану обращал он в бреду свои речи, его мысли непрерывно кружили вокруг двух болезненных для него тем – ненависти к королю и горячего желания жениться на кузине, эрцгерцогине Анне.

Опекун Хуана Луис Кихада и наставник молодых принцев Онорато Хуан также неотлучно находились в спальне больного, и герцог Альба дни и ночи делил с Хуаном бдение у его ложа.

На третий день прибыл король.

Карлос впал в болезненное забытие. Время приближалось к полудню, было очень жарко. Ставни в спальне были закрыты, воздух был настолько спертым, что было трудно дышать. Бусины четок выскользнули из пальцев Хуана, и голова склонилась на грудь.

Он думал о старой женщине, которая чесала шерсть и жила на берегу реки Энарес, и о том, что как только освободится, он пойдет к ней и отдаст ей письмо для доньи Аны.

Он прижал руку к груди, где под дублетом была спрятана голубая роза. Он чувствовал себя вялым и уставшим, за три дня он так и не переоделся и ни разу не покидал душной спальни больного принца.

В передней находились шесть докторов и герцог Альба, который спал на скамье около окна. Дон Алессандро вернулся к себе, и Хуан завидовал ему.

Четки выпали из его рук на пол с тихим стуком. В тот же миг дверь отворилась, и он поднял взгляд.

На пороге комнаты стоял худощавый невзрачный человек, одетый в черное. У него было удлиненное, очень бледное лицо с тонкими чертами, рыжеватые прямые волосы и такая же короткая борода, заметно выступающая вперед нижняя челюсть, холодные серые глаза и неприязненно поджатые губы.

При виде него Хуан быстро подобрал с пола четки и опустился на колени.

Король взглянул на него и, уже не замечая его больше, подошел к изножью кровати и остановился, рассматривая распростертое на ней тело своего единственного сына. Как будто зная, кто вошел, Карлос открыл глаза и посмотрел на своего отца. В гробовом молчании они обменялись долгими, тяжелыми, беспощадными взглядами. Хуан содрогнулся, поднимаясь с колен.

– Я привез Богоматерь из Аточи, – перекрестившись, тихо сказал король.

Карлос слабым голосом ответил.

– Я уже дал обет преподнести Господу золота, в семь раз больше моего веса, и серебра, больше его в четыре раза, если Он дарует мне исцеление.

Король, известный своей скупостью, нахмурил брови.

– Ты расточителен даже в благочестии, Карлос, – сказал он кисло. – Сеньор Онорато Хуан не смеет назвать мне сумму твоего долга.

Затем он снял свой плоский черный берет и склонил голову, в то время как Хуан и герцог Альба, который пробудился, когда прибыл король, опустили на колени. Два священника внесли чудотворную статую Богоматери из Аточи.

Фигура Богоматери была вырезана из древесины оливы, ее лик был зеленовато-черным, на голове сияла золотая корона с бриллиантовыми лучами, тело было облачено в жесткое белое парчовое одеяние, расшитое жемчугом, а вокруг ее гладкой шеи обвивалось ожерелье из изу-

мрудов. Карлос, пристально глядя на нее, попытался пошевелить своими парализованными членами.

Не преуспев в этом, он испустил крик разочарования.

Король бросил на него короткий взгляд и приказал вынести статую. Принести Богоматерь из Аточы к постели сына – это было наибольшее, что он мог сделать. Если она останется непреклонна, то к чему процессии бичующихся, истязавших себя на улицах Мадрида и Толедо, молебники и литании в каждой испанской церкви? Когда священники вынесли статую, король подошел к кровати и встал рядом с нею.

Карлос моргнул полуослепшими глазами и разомкнул опухшие губы.

– Молится ли обо мне королева? – спросил он чужим глухим голосом.

– Королева пребывает коленопреклоненной в своей молельне, – ответил король, – а Хуана босой совершила паломничество к святыне Богоматери-Утешительницы.

Он пристально смотрел на сына, держа берет у груди, и его глаза были поблекшими и жестокими, а брови нахмурены, как если бы он обдумывал какую-то ужасную мысль.

– Когда я женюсь на своей кузине Анне? – задыхаясь, спросил Карлос.

– Разве сейчас время помышлять о женитьбе? – ответил дон Фелипе.

Его глаза блеснули, когда взгляд скользнул по Хуану, такому молодому и красивому, почтительно, несмотря на утомление, стоявшему по другую сторону кровати. Затем король с тягостным осознанием перевел взгляд на уродливое, наполовину парализованное и больное создание, лежащее под златотканым одеялом.

Лишь на мгновение так тщательно оберегаемое им незыблемое спокойствие изменило ему.

– О, Господи! Мой сын! – пробормотал он, настолько тихо, что никто не слышал его слов, кроме самого увечного Карлоса, который ответил на них безумным смехом.

– Ваш сын и будущий король Испании!

И он беспомощно забил руками и неразборчиво забормотал, уже в бреду.

Дон Фелипе отступил от кровати и шепотом обменялся несколькими фразами с докторами. Затем он мрачно сделал знак дону Хуану следовать за ним и вышел из комнаты.

Хотя молодой человек и ожидал упрека за то, что упустил Карлоса из вида, он был рад покинуть покои больного и размять ноги, застывшие от коленопреклонения, и руки, уставшие от перебора четок.

Он прошел вслед за доном Фелипе в маленькую круглую комнату, где солнечный свет лился сквозь приоткрытые зеленые ставни на белый мраморный пол.

Король сел. Хуан остался стоять. Его платье было в беспорядке, волосы растрепаны, лицо серое от долгого бдения, но все это не могло скрыть ни его юности, пышущей здоровьем, ни его красоты.

Он стоял и ждал, когда этот человек, самый могущественный человек в мире, отец которого был и его отцом, обратится к нему.

Он не любил дон Фелипе и не боялся его, но он был благодарен ему за то, что тот возвысил его, и надеялся в дальнейшем возвыситься с его помощью еще более.

Упрека, который он опасался услышать, не прозвучало. Дон Фелипе не стал говорить о своем пораженном несчастьем сыне.

– Ты не устал от Алькалы? – спросил он бесцветным, лишенным эмоций голосом.

– Нет, Ваше Величество, – правдиво ответил Хуан.

– Я слышал, что ты искушен в военном деле, но не уделяешь должного внимания остальным занятиям. Вскоре тебе предстоит прибыть ко двору.

– Кабинету я предпочитаю ристалище, – ответил молодой человек. – И боюсь, что я недостаточно способен для ученых занятий.

Дон Фелипе провел бледной рукой по столь же бледному лицу.

– Твой отец желал, – сказал он, – чтобы ты вступил в ряды служителей церкви. И я желаю того же. Я добьюсь для тебя кардинальского сана.

Странное чувство страха сжало сердце Хуана, когда он встретился взглядом с холодными глазами короля.

– Я недостойн, – быстро ответил он. – Я боюсь, что римский пурпур будет душить меня.

– О, – сказал дон Фелипе, скупно улыбнувшись. – Твое честолюбие жаждет иного, Хуан?

Хуан поднял голову, молодой и полный жизни.

– Разве возможно, Ваше Величество, чтобы сын вашего отца был лишен честолюбия?

Улыбка короля обернулась коротким неприятным смешком.

– К чему стремится твое честолюбие? – требовательно спросил он.

Хуан сжал губы и ничего не ответил.

– Разве я не был снисходительным королем и любящим братом? – добавил дон Фелипе.

– Были, Ваше Величество.

– Тогда будь со мною откровеннее. Ну же, к чему ты стремишься?

Сердце Хуана забилося сильнее. «Быть инфантом Кастилии – быть королем». Эти слова были на его губах, но он не произнес их.

Король пристально смотрел на него.

– Я стремлюсь служить Вашему Величеству, – сказал Хуан.

Этот официальный комплимент как будто пришелся королю по душе.

– Ты можешь служить мне в Риме, – ответил он. – Ты мог бы служить мне, пользуясь благосклонным вниманием Его Святейшества.

Он перекрестился.

Хуан подумал о донье Ане и о мире, который, сверкая, лежал перед ним.

– Я бы с большим успехом послужил Вашему Величеству против морисков, – сказал он.

– Ты слышал о восстании? – спросил король.

– Да. Ваше Величество могли бы послать меня на его подавление.

– Дитя, – сухо ответил дон Фелипе, – это восстание – не малый огонек, который могла бы затоптать ножка мальчика.

Хуан вспыхнул от помятых брыжей до самых волос.

– Если бы Ваше Величество испытали меня, – сказал он без особой надежды.

Дон Фелипе не ответил. Он сидел, сложив руки на груди и задумчиво сжав пальцами одной из них подбородок.

– Расскажи мне о Карлосе, – сказал он. – Как случилось, что он пострадал?

Хуан подумал, что этот вопрос следовало бы адресовать скорее их наставнику или герцогу Альбе. В конце концов, сам он не нес ответственности за капризного и болезненного принца.

– Он собирался музицировать под окном дочери привратника, Ваше Величество, но ступени лестницы, ведущей в парк, полуразрушены, и было темно, так что он упал.

– И этому было дозволено случиться?

– Мы полагали, что эта привязанность может помочь ему стать добрее. Он не особенно добр, – ответил Хуан с опасной откровенностью.

Глаза короля сверкнули.

– Я говорю о ступенях, – сказал он. – Как случилось, что они были небезопасны?

Хуан уже был готов ответить: «Они достаточно безопасны для того, кто не хром», но деликатность заставила его сдержаться.

Король поднялся и твердым шагом направился к двери.

Хуан вспомнил горячечный бред принца и, движимый добротой, произнес:

– Сеньор, принц очень желает вступить в брак со своей кузиной Анной, эрцгерцогиней.

Если бы Ваше Величество видели, как он лелеет эту надежду, вы бы исполнились сочувствия к

нему. Я думаю, что, если бы заключение этого брака было ускорено, это весьма способствовало бы умиротворению его души и укреплению здоровья его тела.

Дон Фелипе мрачно смотрел в пол.

– Карлос женится, когда мне будет угодно, – сказал он. – Я думаю женить его на его тете Хуане.

– О! – вскричал Хуан с юной прямотой. – Она старше его на десять лет и всегда носит черное платье. Какое отношение она может иметь к женитьбе? Разве она не вдова? Разве ее кудри не острижены и не помещены под алтарь босых монахинь?

– Она также вступит в брак, когда мне будет угодно, – ответил король.

– Сеньор, он любит Анну Австрийскую, свою кузину.

– Почему? – спросил дон Фелипе.

– Ему очень нравится ее миниатюрный портрет, который привез ему посол императора.

– Я ее не видел, – резко сказал король. – И что же, она так прекрасна?

– Прекрасна и печальна, Ваше Величество.

– Больше, чем королева? – ревниво спросил Его Величество.

– Не настолько красива, – искренне сказал Хуан, – но на портрете она очень мила.

– У шотландской королевы приданое лучше, – ответил дон Фелипе. – Так вы не собираетесь становиться священником, дон Хуан?

– Сеньор, я не смог бы. Но я молюсь, чтобы вы отыскали мне иное применение.

– О, – мягко ответил король, – я найду тебе применение. Когда прибудешь ко двору, я отыщу его тебе.

Он покинул комнату, и Хуан, не получив никакого знака оставить его, последовал за ним.

Король вернулся в спальню больного, которая теперь была пропитана столь тяжелым запахом разложения, что Хуан остановился на пороге.

Вскоре стал очевиден и источник запаха – на богатом ложе рядом с потерявшим сознание инфантом лежало высохшее и разрушающееся тело монаха, завернутое в полуистлевшее одеяние.

– Это брат Диего, Ваше Величество, – с гордостью пояснил стоявший рядом монах-францисканец.

– Он был святым? – спросил король.

– Нет, сеньор, но он был полон святости, когда умер, и, если бы он смог исцелить принца, Его Святейшество канонизировал бы его.

Хуан перекрестился, глядя на останки. Древний череп лежал совсем рядом с искаженным лицом Карлоса.

У него слегка кружилась голова, он чувствовал себя больным и измученным, совсем как когда-то в монастыре Юсте, когда три дня и три ночи простоял, принимая участие в церемонии погребения человека, который, хотя Хуан тогда еще не знал этого, был его отцом, – великого императора Карла.

Дон Фелипе, не обращая внимания на докторов и священников, подошел к кровати и наклонился над сыном, который лежал оцепеневший, с остановившимся взором, едва дыша, и темная кровь непрерывно сочилась из его раны, впитываясь в повязку.

Тонкими пальцами король взял деревянный футляр с миниатюрой, лежавший на узкой груди принца, и нажал на пружину.

Крышечка отскочила, явив его взору прекрасный образец фламандской живописи. Картина размерами была не более грецкого ореха, но с удивительной отчетливостью воспроизводила тонкие черты печального лица эрцгерцогини Анны.

Словно чувствуя, что на его сокровище покусились, несчастный Карлос застонал и открыл глаза.

Когда он увидел, что его отец рассматривает портрет прекрасной австрийки, он испустил горестный вопль и попытался привести в движение свои парализованные члены.

– Ты не заберешь и ее тоже! – пробормотал он. – Она моя!

Дон Фелипе спокойно закрыл футляр и уронил его на грудь сына.

– Если твой брат был святым, принц должен скоро поправиться, – сказал он францисканцу.

Затем король прижал к носу надушенный платок, поскольку запах уже становился невыносимым, и покинул спальню, чтобы помолиться за Карлоса в молельне кардинала Хименеса.

Хуан, которого король более не удерживал, поспешил в свою собственную комнату, где, все еще во власти ужаса от атмосферы мрачности и смерти, царящей внизу, настезь распахнул ставни изящных арочных окон.

Солнце едва миновало зенит, его золотое сияние заливало сад.

Хуан подумал, что никогда еще сад не казался ему столь прекрасным, он долго стоял и любовался его яркими красками. Красные, розовые и белые цветы олеандров выделялись среди упругой темной листвы, под сенью кипарисов, лавров и деревьев грецкого ореха цвели лилии и алые розы.

Пальмы и перечные деревья были высажены вдоль стен, а с солнечной стороны дворца росло несколько гранатовых деревьев, и ярко-алые цветы на них были подобны язычкам пламени.

Звонко пела птица.

Хуан поднял лицо к небу, прищутив глаза от слепящего солнца, как северянин прищурил бы свои от света самого неба.

Он потянулся и вздохнул.

Он непременно станет великим. Король даст ему возможность выдвинуться. Он станет инфантом Кастилии – и королем.

Какая еще судьба может ждать сына великого императора Карла?

Не призывая слуг, Хуан начал переодеваться.

Со вздохом облегчения он расстегнул брыжи и снял их, обнажив сильную молодую шею, на которой остались следы от слишком тесного воротника, затем начал расстегивать дублет.

Тут же помятая голубая роза упала с его груди на черные плитки пола.

Донья Ана! Он должен был передать для нее письмо. Он должен был сказать ей, что он уезжает и что вернется. Она была чудесной, и она ждала его. Он поднял цветок, который некогда украшал ее волосы, и поцеловал его благоговейно, как если бы это было распятие.

Сегодня, наконец, он пойдет и найдет старую Эуникию, которая чешет шерсть на берегу реки Энарес.

Едва он принял это решение, на пороге его комнаты показался Онорато Хуан. Король прислал за ним, король желал его общества.

Хуан вновь спрятал на груди бедный цветок, ответ хозяйке которого он вновь был вынужден отложить, переоделся и спустился к дону Фелипе, который уже вознес все свои молитвы и теперь обедал в мрачной столовой грибами, фаршированными взбитыми белками с сахаром и фруктами.

Глава V. Эскориал

Донья Ана де Мендоса-и-де-ла-Серда, жена Руя Гомеса де Сильвы – графа Мелито и принца Эболи и самого могущественного министра в Испании, сидела в своих покоях в Эскориале, новом дворце, возводимом королем близ Мадрида.

Ее пышные черные юбки струились воланами, и каждый волан был подшит широкой серебряной лентой, облегающий лиф был оторочен серебряной тесьмой, а волосы скрыты под чепцом и черной вуалью.

Нить серебряных бусин обвивала ее шею, в ушах поблескивали серебряные серьги, ее умное некрасивое лицо было маленьким и болезненно-желтоватым, глаза – большими и выразительными, но лишенными яркости и блеска.

Она сидела перед громоздким деревянным ткацким станом для работы над гобеленом и ловко пропускала сквозь натянутые на его раму нити основы челнок, обернутый цветной шерстью.

Под ее рукой была корзинка с шелковыми нитями, у ног лежала маленькая испанская собачка, а рядом с нею стоял король Испании, с ног до головы одетый в черное и в брыжах, украшенных золотой вышивкой.

– Как вы предполагаете поступить с этими двумя мальчиками? – резко спросила принцесса Эболи, не поднимая взгляда.

– Алессандро будет принадлежать армии, а Хуан – церкви, в соответствии с волей моего отца, – ответил король.

– А! Воля покойного! – воскликнула принцесса. – Нам следовало бы учитывать склонности живых.

– Он преуспееет на духовном поприще, – холодно сказал дон Фелипе.

Жена Руя Гомеса де Сильвы не отрывала взора от своего быстро порхающего челнока.

– Он всего три дня при дворе, – ответила она, – но мне уже ясно, что он никогда не сможет стать священником.

– Почему, сеньора?

– Господи! Он очень красив и обладает исключительным талантом угождать и нравиться. Он способен завоевать расположение любого человека и делать все, что захочет. Это исключительный юноша, дон Фелипе.

– Опасные качества, – прошептал король, прикусив полную нижнюю губу.

Принцесса посмотрела на него холодным и расчетливым взором.

– Используйте их, – сказала она, – используйте его, привяжите к себе, завоюйте его верность, очаруйте, приманите – вы всегда успеете уничтожить его, если он станет опасен.

– Он честолюбив, – сказал король. – Безопаснее было бы сделать его священником.

– Он не смог бы хорошо служить вам, не обладай он честолюбием, – быстро ответила она. – Используйте его честолюбие. Используйте себе на пользу и, если понадобится, ему на погибель.

– Ах, Ана, ваши советы всегда столь ценны, – признал король, с уважением глядя на нее. – И если вы полагаете, что мне следует оставить этого юношу в миру, я так и поступлю.

Донья Ана взглянула на него прямо.

– Вы нуждаетесь в таких молодых людях, как он, – сказала она.

Дон Фелипе болезненно побледнел.

– Вы думаете о Карлосе! – пробормотал он. – Господи! Карлос!

– Он выживет? – внезапно спросила принцесса.

– Его жизнь вне опасности, – ответил король. – У него на уме только женитьба на этой австрийке. Она очень хороша собой.

– Эрцгерцогиня? – резко спросила принцесса.

– Да.

– Сейчас у вас прекрасная жена, Фелипе, – сказала она.

– Так было не всегда, – ответил он угрюмо. – И Елизавета не проживет долго, Господь Всемогуший избрал ее.

– А кого избрали вы, сеньор, чтобы она стала следующей королевой Испании?

Он внимательно посмотрел на нее.

Она опустила челнок и горько сжала губы.

– Не говорите мне больше о прекрасных женщинах, – запальчиво сказала она. – Мне не интересны ваши куклы.

– Хуан и Алессандро тоже мои куклы, – ответил он.

– Нет, но, возможно, они станут вашими пешками, Фелипе, если вы найдете к ним подход.

– Кто из них, – спросил он с подозрением, – более опасен?

– Хуан, – тотчас же ответила она, – поскольку у него есть талант нравиться. Алессандро хитрее и будет более осторожен, но Хуан будет блистать.

– По-видимому, он надеется стать инфантом, – сказал король с подозрением. – Возможно ли, что он дошел до такой дерзости?

– Надежды юности не ведают пределов, – сказала принцесса с улыбкой, немного смягчившей ее холодное лицо. – Конечно, этот мальчик надеется стать инфантом – и королем.

Дон Фелипе содрогнулся.

– Прекрасное заблуждение подстегивает сильнее, нежели наказание, – продолжала донья Ана. – Позвольте ему тешить себя надеждами. Разве сможет незаконнорожденный мальчик причинить беспокойство королю Испании?

Дон Фелипе молчал.

– Тому, кто правит миром, нужны помощники, – добавила принцесса, заправляя в челнок лимонно-желтую нить. – И Всемогуший Господь послал вам этих двоих для того, чтобы вы могли их использовать.

– Я тоже так считаю, – ответил король. – Я лишь никак не могу решить, как их использовать наилучшим образом к вящей славе Господа и на благо Испании.

– Повремените немного, – сказала принцесса. – Позвольте мне понаблюдать за ними. А сейчас вам уже пора сопровождать королеву к мессе.

Она закончила накручивать нить и положила катушку. Затем встала. Когда она двигалась, было заметно, что она сильно хромает.

Она подошла к двери и отдернула темную портьеру.

Ставни на окнах были закрыты от жары, и комната и внешние коридоры тонули в полумраке. Как только принцесса Эболи подняла занавесь, дверь в противоположном конце коридора отворилась и показалась королева Испании в сопровождении пожилых женщин и нескольких французских дам. Она шла медленно, вся ее фигура казалась очень светлой в окружающем ее полумраке. Ее светло-голубое платье с облегающим лифом и широкими рукавами и юбкой было украшено на груди жемчужными пуговицами, белые кружевные брыжи были настолько пышны и высоки, что полностью обрамляли ее лицо и скрывали уши.

Ее светлые волосы были собраны на макушке под небольшой серебряный чепец, а на шее висели ожерелье из драгоценностей и длинная золотая цепь.

Ее темные глаза на бледном, тонком и очень миловидном лице, казалось, умоляли о чем-то, все ее хрупкое тело было очень болезненным и слабым.

Дон Фелипе пристально смотрел на нее. Когда она увидела его, а рядом с ним темную фигуру принцессы Эболи, она вздрогнула и попятилась.

Принцесса церемонно поздоровалась с королевой и вернулась в свою комнату, оставив занавесь над дверным проемом отдернутой.

Король встал рядом с королевой и повел ее в капеллу.

Принцесса Эболи располагала своей молельней. Несмотря на суровые правила испанского двора, требующие неукоснительного соблюдения этикета, она чаще всего была вольна поступать, как считала нужным, и крайне редко посещала королевскую капеллу.

Она вернулась к ткацкому стану. Точными и аккуратными движениями она вплетала цветные волокна шелка и шерсти поперек нитей основы и плотно прижимала их друг к другу.

Она сидела столь неподвижно, ее лицо было столь бесстрастно, движения ее пальцев столь размеренны, что она казалась механизмом. Однако шум приближающихся шагов заставил ее поднять голову.

В дверях, в обрамлении занавеси и на фоне темного коридора, с ветвью граната в руке стоял дон Хуан.

Безупречные манеры, приятное веселое лицо и благородная осанка отличали его как истинного придворного испанского двора.

– Заходите и поговорите со мною, дон Хуан, – сказала принцесса Эболи.

Он вошел в комнату с изящной непринужденностью. Он знал, что эта некрасивая женщина – Ана де Мендоса, самая родовитая наследница Испании и жена королевского фаворита и министра, и он был достаточно предусмотрителен, чтобы желать заручиться ее благосклонностью. Она указала на маленький табурет подле себя, и он сел, выпрямив мускулистые ноги, обтянутые розовым шелком.

– Значит, вы не желаете быть священником? – спросила принцесса.

– Нет, сеньора.

Хуан вздохнул. Он думал о другой донье Ане, из Алькалы, которой он так и не смог послать никакого письма перед своим внезапным отъездом вместе с королевской свитой в Мадрид.

– Вы желаете быть солдатом?

– Разумеется, сеньора.

– Возможно, такова воля Господа, чтобы вы служили Его Величеству в качестве солдата.

– Я надеюсь на это, сеньора.

Она украдкой взглянула в его необыкновенное, удивительно очаровательное лицо, исполненное живого изящества, лучащееся здоровьем, с выражением энергии, мужества и силы, и сравнила его с Карлосом, наследником безграничной власти дона Фелипе.

– Король был вам хорошим братом, – отметила она.

– Я знаю, – ответил он с искренней благодарностью, – и я всю свою жизнь буду верен Его Величеству.

И вновь ее взгляд скользнул по нему.

– Почему вы не в капелле? – спросила она.

Ответом ей был яркий румянец, заливший его лицо. Она знала, что в капелле он не имеет права сидеть рядом с королем. Это было одной из привилегий инфанта Кастилии, которой он не обладал, и она предполагала, что гордость заставляет его стремиться подвергаться этому унижению как можно реже.

– Вы очень горды, – сказала она со значением.

Поняв, что она прочла его мысли, он покраснел еще больше.

– Хорошо служите королю, – продолжила принцесса, – и, возможно, вы достигнете даже большего величия, чем смеее мечтать.

Он перевел дух.

– Карлос любит вас, – добавила донья Ана. – Король и королева любят вас, вас ждут величие и счастье.

Хуан взглянул на гранатовую ветвь, на длинные, заостренные серо-зеленые листья и на плотные крупные почки над смятым пламенем алого цветка.

– Я не могу пойти в капеллу, – сказал он, и его голос слегка дрогнул.

Донья Ана сменила нить лимонного цвета на ярко-голубую. Хуан отметил, что у нее маленькие ловкие смуглые руки и длинные пальцы.

– Были бы вы мне признательны, – сказала она, – если бы я убедила короля сделать вас капитаном, а не кардиналом, как он намеревается?

Хуан вновь вспыхнул, на этот раз от удовольствия. Он знал, что она могущественнейшая дама в Эскориале, что ее расположения ищут более, чем расположения нежной королевы, и что король прислушивается к ней, но он не ведал, что она считает его благодарность полезным политическим приобретением.

– Я был бы благодарен вам всю мою жизнь, – искренне сказал он.

– Карлос скоро прибудет ко двору, – ответила она. – Попросите его поговорить с королем, и я поговорю с ним тоже.

– Я желаю усмирить морисков, – просто сказал Хуан. – Я желаю прославить Всемогущего Господа, принеся Крест в Африку.

– Карлос будет отправлен против мавров.

Он ответил открыто презрительной улыбкой.

– Карлос болен. Карлос никогда не сможет быть сильным.

– Он исцелен. Благодаря помощи или Богоматери из Аточи, или брата Диего.

– Господи! Но он не смог бы выступить против мавров.

– Будет так, как прикажет король.

– Он будет королем, – завистливо сказал Хуан. – Королем!

Его глаза расширились и заблестали, затем он потупил взор.

– Впрочем, – добавил он, – кто знает, какая судьба его ждет?

Он поднялся и прижал к губам алые цветки. Его смуглая кожа все еще полыхала румянцем, а прекрасные губы изогнулись в улыбке. Его молодое тело было крепким и гибким, как натянутый лук, сталь и золото ордена Золотого руна засияли подобно языкам пламени, когда солнечный свет, проникающий через маленькое окно наверху, упал на его грудь.

Донья Ана одобрительно и расчетливо смотрела на него.

Дон Фелипе был велик, его боялись, но никогда не любили. Карлос оскорблял всех, кто приближался к нему. Новорожденный ребенок королевы был девочкой. Лишь личности, подобные дону Хуану, их юность, изящество и величие, могли служить опорой неслыханной и масштабной политике Испании.

Принцесса Эболи это понимала. Она признавала могущество террора, но она также верила, что, помимо страха, существуют и иные пути воздействия.

Ее острый глаз видел в сыне Карла Пятого качества самого блестящего принца в Европе, а в сыне герцога Пармского отчасти тот же блеск и вместе с тем развитый интеллект.

– Хуан, – сказала она мягко, – пока вы помните о покорности Всемогущему Господу и о своем долге по отношению к королю, я на вашей стороне.

Она поднялась, и серебряные ленты, которыми были оторочены воланы ее пышных юбок, блеснули вокруг нее, как блики света на воде.

– Всегда повинуйтесь королю, – добавила она.

Его искренние глаза встретили ее расчетливый взгляд.

– Разве я смог бы быть настолько подлым, чтобы пойти на предательство? – ответил он с величайшей кротостью.

– Конечно, нет, – сказала она. – Я попрошу короля, чтобы он предложил вам какой-нибудь военный пост.

– Милостивая госпожа, я всегда к вашим услугам.

Она улыбнулась ему и удалилась во внутренние покои.

В приоткрытую дверь он мельком увидел девушек в пышных платьях, сидевших вокруг возвышения. Они связывали срезанную лаванду в небольшие пучки, затем подгибали стебли растений и перевязывали их голубым шелком.

Дверь закрылась, и Хуан вышел в коридор. Он знал, что дон Алессандро и остальные его юные племянники, сыновья императора, приехавшие навестить короля, ждут его на теннисном корте.

Но, несмотря на то, что теннис был его любимой игрой, он не стал торопиться.

Он медленно брел по еще не отделанным коридорам Эскориала.

Этот дворец не был ни радостным, ни красивым, и никогда не смог бы стать таким. Хуан чувствовал, что в его мрачных покоях таится тот же дух угрюмого благочестия, тайной жестокости и безмолвной гордыни, которым отмечен и характер короля, приказавшего его возвести.

Эскориал был одновременно и дворцом, и монастырем, и кладбищем, или, вернее, должен был стать после завершения строительства. Именно здесь предстояло обрести последнее пристанище всем королям Испании вместе с членами их семей после того, как, каждый в свой черед, они сложили бы земную власть и отправились на небо искать награды за поддержание на земле порядка, установленного Господом.

Когда дворец будет завершен, сюда будут перевезены и положены в темной усыпальнице с отполированными стенами останки отца Фелипе и Хуана Карла Пятого и останутся здесь до тех пор, пока трубы Страшного Суда не заставят рухнуть стены равно дворцов и хижин.

Хуан размышлял, осмелится ли он сам когда-либо надеяться, что однажды и его кости будут помещены рядом с останками его отца, чтобы вечно покоиться под величественной мрачной сенью Эскориала.

Эта мысль привела его в трепет. Вот достойное завершение грандиозного жизненного пути, который он собирается пройти. Он подошел к одному из окон и выглянул в сад, обезображенный нагромождением строительных лесов, лежащими без видимого порядка блоками камня и суматохой строительных работ.

Он жаждал нежного общества Аны де Сантофимия, желал по секрету поведать ей свои надежды и честолюбивые мечты, заключить ее в свои объятия и сказать, что она восхитительнее любой дамы испанского двора.

Он принял решение жениться на донье Ане.

Он был уверен, что она будет ждать его в своей тихой комнате в Алькале, в той самой, с белыми стенами и желто-красным полом.

Легкий ветерок потревожил жару, окутывающую Мадрид, растрепал волосы Хуана и пошевелил листья на веточке граната.

Хуан запел. На сердце у него было легко, он лишь начал жить, и мир казался ему все прекраснее с каждым мгновением.

Затем, движимый неясным побуждением, он оглянулся через плечо.

По сравнению с ослепительным светом дня дворцовый коридор показался ему очень темным.

Хуан замолчал.

Ему внезапно показалось, что кругом лишь мрак и безнадежность.

Он помолчал, прислушиваясь.

Тишину нарушало лишь отдаленное пение, доносящееся из капеллы.

Хуан дважды вздохнул и медленно пошел на теннисный корт.

Глава VI. Третья королева

Елизавета Валуа, дочь Генриха II и Екатерины Медичи и третья жена дона Фелипе, сидела в комнате, богато украшенной гобеленами, но лишенной окон, и медленно обмахивалась большим расписным веером.

За ее спиной, в сумрачной глубине, играли в триктрак две французские дамы, а две испанские чесали шерсть. На коленях королевы лежал молитвенник, переплетенный в белый бархат, но она не читала.

Она пристально смотрела в пространство перед собою, погруженная в грустную задумчивость. В ее облике была какая-то молчаливая боязливость, словно она пережила суровое испытание, и оно навсегда омрачило ее сознание. Это странное выражение то появлялось, то исчезало с ее лица, но никогда не уходило надолго.

В Испании ее называли Исабель Мирной и считали почти святой за редкую доброту и кротость, но в ее милом лице не было ни умиротворения, ни праведной безмятежности, лишь безмолвный ужас.

Жемчужного цвета шелковое платье ее, лежащее широкими волнами, укрывало кожаное кресло и касалось черных плиток пола. Рядом с нею на низком инкрустированном табурете, сгорбившись, сидел дон Карлос, лишь недавно оправившийся от болезни.

Облокотившись о столик с клепсидрой, стоявший справа от королевы, дон Хуан читал вслух книгу в переплете, украшенном бирюзой.

Его приятный сильный голос произносил слова святой истории.

– И язычники исполнились к ним, а именно: к Святой Марии из Магдалы, Марии и Марте, сестрам Лазаря, которого воскресил Господь, и Иосифу Аримафейскому, испросившему тело Господа у Понтия Пилата, лютой ненавистью.

Тогда борьба между дьяволами и Господом Всевышним была еще в самом начале, ибо власть Рима, равно как и воинство Ада, были сильнее.

Поэтому язычники одолели этих святых людей, однако не осмелились поразить их, но заперли на старом корабле с пробойнами в днище и направили этот корабль прочь от берегов Италии, чтобы он погиб среди волн морских.

Но это не было угодно Господу, который послал ангела привести корабль в безопасную гавань.

Ангел, поглощенный размышлениями о делах небесных, не заметил, что он привел святых в город Марсель в Галлии, бывший городом язычников.

Итак, дьявол вновь нанес им удар, ибо язычники Марселя не дали им ни пищи, ни крова. Вскоре после этого появился другой ангел с корзиной фруктов...

Карлос перебил его.

– Прочитай об их мучениях, Хуан: как с них сдирали кожу, истязали клещами, окунали в смолу...

– Я умоляю вас, – торопливо произнесла королева, – не читайте дальше.

Хуан закрыл книгу. Он был в приподнятом настроении. Накануне во время крещения маленькой инфанты Клары Евгении ему было доверено держать младенца у купели, поскольку Карлос был еще слишком слаб, и этот знак королевского расположения казался ему лишь первой из почестей, ожидающих его в будущем.

– Вы не желаете слушать об этом? – разочарованно спросил Карлос.

– Нет.

Королева с трудом размыкала бледные губы, ее голос звучал слабо.

– Они были святыми Господа, – настаивал Карлос. – А Он повелел им подвергнуться пыткам.

– Увы! – пробормотала Елизавета. – Я слишком слаба, чтобы слушать об этом.

Будь перед ним любой другой человек, Карлос пришел бы в страшную ярость, но со своей мачехой, которая единственная, должно быть, проявляла к нему истинную доброту, он всегда был мягок. Поэтому он ограничился тем, что сказал:

– Это не хуже, чем наказание еретиков в наше время.

Елизавета вздрогнула.

– На следующей неделе снова будет аутодафе, – продолжил Карлос. – Вальдес, – он назвал имя энергичного Великого Инквизитора, – говорит, что тюрьмы переполнены и их надо освободить для новых еретиков, которых он ежедневно арестовывает. Господи! Будут сожжены семьдесят три еретика, не считая евреев, и тридцать из них – женщины.

Лицо королевы теперь было блее высоких брыжей, тесно прилегающих к ее щекам и касающихся кончиков завитков ее светлых волос.

– Не говорите об этом, – попросила она слабым голосом.

– О сожжениях! – воскликнул Карлос.

Хуан удивленно посмотрел на нее. Неужели ей жаль еретиков?

Он перекрестился.

Елизавета перевела взгляд с одного юноши на другого, ее прекрасные глаза, окруженные тенями после болезни, были полны слез.

– Я знаю, что они потерянные души, – проговорила она, – но видеть, как они горят, ужасно.

– Мы все должны пойти, – ответил Хуан.

Впервые он увидел аутодафе, когда ему было двенадцать лет. О самой казни он помнил лишь ощущение дурноты от ужаса, охватившего его тогда, однако донья Магдалена, его мачеха, добрейшая из женщин, привела его туда и ни разу не отвела глаз от пылающих столбов, к которым цепями были прикованы женщины, столь же благородные и утонченные, сколь и она сама.

Он с беспокойством посмотрел на королеву.

– Я не пойду, – с глубоким волнением проговорила она, – я не могу.

– Не подобает жалеть еретиков, – угрюмо ответил Карлос.

– Это спасает их души, – добавил Хуан.

– Я бы предпочла, чтобы меня отправили предстать перед Господом и чтобы Он судил меня! Разве Он не Господь милосердный? А люди не милосердны.

Она прижала свои хрупкие маленькие ладони к груди и повторила:

– Нет, не милосердны.

Подняв бледное лицо, еще хранящее следы недавней болезни, Карлос пристально посмотрел на нее снизу. Затем помолчал немного, стремясь понять ее чувства, и сказал:

– Когда я стану королем, аутодафе не будет, если вам это угодно.

– Благослови вас бог, Карлос! – вырвалось у бедной королевы. – Я верю, что вы любите меня.

Он схватил расшитый жемчугом край ее платья и осыпал его поцелуями. Елизавета Валуа взглянула на некрасивое создание, которое было столь благодарно ей за доброту, и слезы наполнили глаза и потекли по ее щекам.

– Я дала золотой пояс Богоматери из Аточи, – сказала она, – за то, что она спасла вас, Карлос.

– Нет, меня спас брат Диего, – ответил он, – и я попросил Его Святейшество сделать его святым.

Королева слабо улыбнулась Хуану.

– Кто же спас его? – спросила она.

– Я думаю, это был хирург-мориск, – ответил тот с обычной веселой беспечностью.

Карлос пронзительно закричал:

– Это был брат Диего! Брат Диего! – вскочил и ударил Хуана слабой рукой.

Королева удержала его за запястье.

– Карлос, – сказала она с большим достоинством, – я недовольна вами.

Он сразу же утих, и Хуан добродушно рассмеялся.

– Господи! Ну, конечно, это был брат Диего.

Внезапно темные двери распахнулись настежь, и привратники в королевских ливреях провозгласили:

– Его Величество король.

Елизавета поднялась с кресла.

Медленно вошел дон Фелипе, облаченный во всё фиолетовое. Его лицо было желтым, как старый пергамент, лишь уголки глаз выделялись алым цветом, как будто по ним разлилась кровь.

Драгоценности украшали его грудь, короткие шоссы с большими пышными буфами были жесткими от золотых и серебряных нитей, и вся его фигура мрачно поблескивала даже в полумраке завешанной гобеленами комнаты.

Едва взглянув на жену пустыми глазами, он устремил пронзительный взор на сына. Его тонкие ноздри затрепетали, а полные губы скривились.

Хуан тоже посмотрел на Карлоса и увидел, что лицо принца исказилось от страха.

Королева тоже увидела это и без раздумий шагнула вперед и встала между мужем и его сыном, как часто делала прежде.

Карлос схватил край ее черной кружевной шали и прижал к дрожащим губам.

– Карлос, – промолвил король, – ты был в конюшне.

Инфант разразился безумным смехом.

– Конюх, который дал тебе ключи, сейчас подвергается наказанию плетью, – продолжил Фелипе.

Королева вздрогнула и опустила взгляд. Король, по-прежнему глядя мимо нее и обращаясь к сыну, который втянул голову в плечи от страха, продолжил:

– Мой любимый жеребец мертв, Карлос.

В комнате повисла ужасная тишина, затем Карлос сказал:

– Конечно, мертв. Я ударил его шпагой. Неужели вы думали, что это очень трудно – убить какую-то лошадь?

Елизавета отпрыгнула от принца, оставив шаль в его руках.

– Карлос! – взвизгнула она.

Он вновь засмеялся.

– Ступай к себе, – сказал король. – Вижу, ты недостойн распоряжаться свободой. Дон Руй Гомес-и-де-Сильва будет присматривать за тобой.

Услышав имя своего главного недруга, несчастный принц разразился потоком жалоб и криков и принялся умолять королеву его спасти.

Но она лишь стояла, прямая и бледная в полумраке, и впервые ни единым словом не отвечала на его мольбы.

А Хуан смотрел на него с презрением.

– Иди, – сказал Фелипе.

Судорога прошла по телу Карлоса, он бросил последний умоляющий, отчаянный взгляд на сжавшуюся фигуру королевы и, прихрамывая, побрел из комнаты. Фелипе проводил его тусклым от ненависти взглядом.

Елизавета смотрела на него, переводя дыхание, затем оглянулась вокруг. Французские дамы не поднимали глаз от игры, испанские – от работы. Во внутренней комнате, дверь в которую была открыта, четыре старые дуэньи продолжали перебирать четки.

Она почувствовала себя словно в тюрьме или в клетке.

– Какое наказание его ожидает, Ваше Величество? – дрожа, спросила королева. – Мне кажется, он не в себе.

Фелипе холодно посмотрел на нее. В последнее время она не пользовалась его расположением, он не мог простить ей, что рожденный ею ребенок – не мальчик.

– Это был прекрасный берберийский жеребец, – только и ответил он. – Неужели нельзя было ограничиться собаками и кроликами?

– Неужели... Карлос... убивает? – запинаясь, пролепетала королева.

Вновь дон Фелипе не удостоил ее ответом. Он положил ладони на бедра поверх пышных парчовых панталон и задал ей встречный вопрос.

– О чем вы хотели сегодня сказать мне, Елизавета, когда мы покидали часовню, и я не мог выслушать вас, поскольку принц Эболи желал поговорить со мною?

Королева еще более побледнела, хотя это и казалось невозможным. Было очевидно, что под пышной юбкой с фижмами она вся дрожит.

– Я хотела попросить Ваше Величество позволить мне не присутствовать на аутодафе, – произнесла она, запинаясь. – Я не очень хорошо себя чувствую. Я нездорова.

Ее бледное лицо и исхудавшее тело подтверждали ее слова. Король посмотрел на нее, как мог бы посмотреть на собаку, отказавшуюся его сопровождать. Однако ледяная кастильская учтивость не изменила ему.

– Ваше Величество должны проконсультироваться с врачами, – сказал он.

Королева поднесла руку к своему горлу и хрипло ответила:

– Сеньор, мне не нужен врач, но позвольте мне не присутствовать на аутодафе.

Лицо дон Фелипе осталось бесстрастным. С тем же успехом она могла бы молить о сострадании мраморную статую.

– Не присутствовать? – повторил он. – Позволить вам не присутствовать?

– Я не люблю эти зрелища, – отчаянно сказала она, – они навечно остаются в моей памяти. Навечно. Навсегда. – Она овладела собой. – Простите меня. Мне нехорошо.

– Вы чувствуете себя достаточно хорошо, чтобы присутствовать на церковном празднике, – ответил он. – Или вы желаете навлечь на меня гнев Господа после того, как Он исцелил моего сына?

– Я не могу пойти, – сказала королева. – Все они люди, мужчины и женщины – и вдруг они горят. И одну из них я знала – это донья Луиса, которая полгода назад сидела рядом со мною. Разве я смогу наблюдать, как пламя пожирает ее тело?

– Вы должны возрадоваться, – угрюмо ответил дон Фелипе, – что вам дарована привилегия увидеть казнь этих еретиков, проклятых Господом.

Силы явно оставили королеву, вновь она беспомощным взором обвела комнату, погруженную в полумрак.

Фрейлины и старые женщины по-прежнему не шевелились, никакой ветерок не колыхал длинные, тусклые занавеси. Дон Хуан стоял неподвижно, прислонившись к стене и потупив взор. Елизавета Валуа опустила на жесткий темный стул.

– Если у вас есть хотя бы капля жалости ко мне, – попросила она, – я умоляю вас, избавьте меня от этого.

Нарушение этикета, столь высоко им ценимого и всегда соблюдаемого, привело дон Фелипе в бешенство, однако он не изменился в лице.

– Вопрос закрыт, – высокомерно ответил он. – Вы будете присутствовать на аутодафе.

Он церемонно попрощался с нею и покинул комнату.

Елизавета иступленно взглянула на Хуана, это был взгляд человека, чья душа ранена и измучена.

– Mon Dieu! Mon Dieu! – воскликнула она на своем родном языке. – Как я страдаю! Я так страдаю!

Хуан посмотрел на нее, он был взволнован и смущен. Король был ненавистен ему в тот момент, и ему казалось, что все происходит не так, как должно происходить. Он был гораздо счастливее, шагая босиком через рисовые поля в школу или уединенно живя с доньей Магдаленой в Вильягарсия. Дворец был ужасен – ничем не лучше могилы.

Его лицо вспыхнуло от этих мыслей.

– И почему Господь не может сам карать еретиков? – порывисто воскликнул он. – Конечно, это ужасно – смотреть, как они горят.

Королева молитвенно сложила ладони и подняла взгляд печальных голубых глаз.

– Господь любит кровь и страдания, – сказала она с чувством. – Господь взирает на израненный мир и доволен. Но где-то существует нечто, что ненавидит все это и не позволило бы, чтобы даже муха или цветок были насильно лишены своего малого счастья!

– Но ведь существуют лишь Бог и дьявол, – удивленно ответил Хуан.

– Умеете ли вы отличить одного от другого? – с отчаянием спросила королева.

Хуан промолчал в ответ на это кощунство. Ему показалось, что слова Елизаветы направлены против Всемогущего Господа, однако он почувствовал к ней уважение, не меньшее, чем к донье Магдалене, и великое сострадание, а к святому королю неприязнь.

Ценности его мира низвергались, и он почувствовал себя лишенным опоры.

Елизавета оглянулась, чтобы убедиться, что дамы не смотрят в их сторону, ибо она знала, что испанские дуэньи приставлены к ней, чтобы следить за каждым ее словом и взглядом, и с лихорадочным волнением сжала руку доня Хуана.

– Бегите отсюда, – зашептала она, – вам льстят, вас обольщают – бегите, пока можете! Это могила. Я умру здесь и буду погребена, и другая женщина займет мое место. Ах, если бы я могла умереть сегодня! Мне всего двадцать два года, но я чувствую себя старой от одиночества и горя, которые до конца будут со мною!

– О, Господи! – вскричал Хуан, белый как полотно. – Так не должно быть!

– Я никогда не была счастлива, ни единого мгновения, – продолжала бедная королева. Ее голос стал еще тише. – Не от холодной ли его жестокости умерла его английская жена? Карлос тоже умрет. Бегите! Есть ли где-нибудь хоть кто-то, кого вы любите? Тогда спешите к ним и никогда не возвращайтесь в Эскориал, никогда! Никогда!

Одна из дуэний, расслышав шепот королевы, встала и, приблизившись, напомнила Ее Величеству, что уже время мессы. Елизавета обратила на нее взор, полный страдания.

Затем она протянула руку дону Хуану.

– Ступайте, – сказала она громко, – и запомните мои слова. Постарайтесь избежать такой судьбы.

Хуан поцеловал ее дрожащую руку, отягощенную самыми прекрасными драгоценностями в Испании, и молча оставил жену своего брата.

Глава VII. Дон Хуан уезжает

Во время пребывания королевского двора в Сеговии, когда король и его приближенные наслаждались зрелищем боя быков, дон Хуан, взяв кошель с деньгами и двоих человек в качестве эскорта, покинул город.

Он оставил двор по двум причинам. Во-первых, он желал показать, присоединившись к мальтийским рыцарям, чей остров был недавно осажден флотами Сулеймана, что он гораздо более подходит, чтобы быть воином, нежели священником. На помощь этому христианскому ордену отбыл дон Гарсия де Толедо, вице-король Сицилии, и дон Хуан уже просил короля позволить ему встать под его знамена, но получил отказ.

Вторая причина его отъезда заключалась в том, что в его сердце все еще звучали слова королевы: «Есть ли где-нибудь хоть кто-то, кого вы любите? Тогда спешите к ним», и он жаждал увидеть донью Ану.

Сначала он отправился в сторону Барселоны с намерением отплыть на Мальту и не возвращаться в Испанию, пока не совершит великие дела, но затем развернулся и поехал в Алькалу под видом наёмника.

В его голове теснились мысли о том, что он мог бы осуществить. Он представлял себе, как возьмет Ану де Сантофимия в седло перед собою, увезет и поселит в каком-нибудь монастыре дожидаться его возвращения.

Ему хотелось стать свободным, вырваться на волю. Он с отвращением думал о дворе с неподвижной фигурой дона Фелипе в центре и фигурами остальных – дона Карлоса, Елизаветы Валуа, Аны д'Эболи, ее мужа, герцога Альбы и дона Алессандро, проводящих время в церемонных поклонах, ожидая, когда король найдет им применение.

Королева предупредила его. Он знал о намерении короля сделать его служителем церкви и не верил доброжелательным словам принцессы Эболи. Он думал, что сам способен создать свое будущее: в конце концов, он был сыном Карла V.

Тучи собирались вокруг инфанта, чье безумное поведение постоянно навлекало на него гнев короля; несчастья смыкались вокруг бледной королевы; яростно пылали костры инквизиции, и шпионы Великого Инквизитора день и ночь трудились, доставляя к столбам новых еретиков; росло недовольство политикой короны в Нидерландах; восстания упрямо вспыхивали в Бельгии, каждый день отдавались приказы, посылавшие людей на бой и на смерть.

Однако дон Хуан не думал об этом. Он желал всегда оставаться верным королю, но при этом не становиться священником или гонителем его врагов, а самому выбрать свой путь.

Поэтому он покинул двор, взяв с собою отличную упряжь и белого коня, доспехи миланской работы и двоих слуг, которые везли седельные сумки.

В Эль-Фрасно он почувствовал легкое недомогание и был вынужден ненадолго задержаться, прежде чем смог снова сесть на лошадь. Там его нагнал дон Хуан Мануэль, посланный королем, и передал письмо от дона Луиса де Кихады, в котором тот настоятельно советовал ему вернуться. Дон Хуан не внял его совету.

Вскоре прибыли губернатор и архиепископ Сарагосы, чтобы оказать ему почтение и умолить поехать обратно в Сеговию.

Они сказали, что галеры, собранные для снятия осады с Мальты, уже отплыли, но Хуан не обратил внимания на их слова, поскольку, по его сведениям, королевский флот все еще стоял в гавани Барселоны.

Не слушал он и мольбы подождать, пока будет собран эскорт из полутора тысяч воинов, чтобы его сопровождать, – как только он оправился от болезни, он вновь сел в седло.

Однако, даже рискуя опоздать к отбытию флота, он устремил свой путь не в Барселону, а в Алькалу. Он уехал из этого городка в конце лета, теперь же была уже поздняя весна.

Хуан достиг Алькалы на заходе солнца. Оставив слуг на постоялом дворе внутри городских стен, он один подъехал к дому доньи Аны.

Железные ворота уже заперли, и, хотя все ставни дворца были открыты, пропуская вечернюю прохладу, в темных комнатах никого не было видно.

Хуан оставил лошадь на постоялом дворе и, вернувшись пешком, прошелся вверх и вниз по узкой улочке, надвинув шляпу на глаза, чтобы никто не узнал его, и насвистывая песенку, которую выучил в Вильягасия. Когда стемнело, но еще не взошла луна, он перелез через ворота и осторожно проник во двор.

Ни привратника, ни собак нигде не было видно, и он, посмеиваясь про себя, прошел через все еще открытые внутренние ворота и достиг внутреннего двора и маленькой двери, через которую служанка доньи Аны провела его в прошлый раз. Света от бледно-зеленого неба было еще достаточно, чтобы найти дверную ручку, но сама дверь оказалась заперта.

Он прислонился к ней спиной, скрытый глубокой тенью двух пышных кипарисов, и немного подождал.

В доме явно все уже спали, окна были темными. Единственным звуком, нарушающим тишину, был хорошо памятный ему плеск фонтана о низкую каменную чашу, окруженную четырьмя сидящими львами.

Хуан отыскал глазами балкон той комнаты, где Ана когда-то приняла его. Когда он смотрел вверх, вглядываясь в его очертания, неясные в наступающей темноте, пленительные воспоминания о той ночи нахлынули на него. Он вспомнил раскаты грома, шум дождя, служанку в коричневом платье и белом чепце, вносящую мокрые горшки с розами, чтобы они не пострадали от грозы, комнату с белыми стенами и черной мебелью, озаренную мягким янтарным светом лампы, и прежде всего прекрасную фигуру доньи Аны и чудесное выражение, озарившее ее очаровательное лицо.

Он по-прежнему носил под дублетом голубую розу. Более чем когда-либо она воплощала для него идеальное счастье, которое нужно так долго искать, и совершенный успех, которого так трудно достигнуть.

Он подошел к балкону.

Рядом с домом рос молодой каштан, темная густая крона которого чуть слышно шелестела. Он подумал, что мог бы подняться по нему, и тихо положил руки на гладкий прохладный ствол.

Его сердце затрепетало, и этот трепет был чем-то сродни грусти. Чувствуя щекою дуновение ветерка, колышущего листья каштана, глядя на последний отблеск уходящего дня над темной линией крыш, он ощутил почти невыносимое наслаждение.

Запел соловей, и его пение было как мелодия серебряных инструментов в руках ангелов.

Душистый аромат лимона, мирта, олеандра и розы наполнил прохладную чистоту ночи, сошедшей на город.

Высоко над его головой среди темных ветвей кипариса сияли сквозь стгуцающийся мрак бледные цветы магнолии, изливая полный истомы аромат в сладко вздыхающий воздух.

Хуан влез на дерево, точно так же, как он влезал на деревья в саду, раскинувшимся вокруг Юсте, чтобы поесть украденных яблок в тени ветвей, когда император лежал при смерти, и звуки долгих церковных служб доносились из-за стен монастыря.

То, что он делал сейчас, было так же просто, так же сладостно и, без сомнения, так же дурно, как воровать яблоки. Он подумал о том, что сказала ему королева: «Есть ли где-нибудь хоть кто-то, кого вы любите? Тогда спешите к ним». Ана любила его. Она была прекрасным созданием – и она любила его.

Было удивительно, что в мире, запятнанном кровью, мире, который Господь наказывал столь сурово, существовали такие вещи, как любовь, – и соловьи.

Он осторожно поставил ногу на балкон и замер, прислушиваясь.

Он слышал однажды, что, по мнению праведников, соловьев создал дьявол, чтобы они отвлекали людей от молитв, и, если молиться достаточно истово и не слушать, то они улетают, и потому соловьи не поют около церквей.

Захлебывающиеся трели птицы напомнили ему об этом.

Он не перекрестился, как обычно делал в присутствии чего-то, что считал несправедным. Ему вдруг пришло в голову, что если дьявол создал соловьев, то, возможно, именно он создал и любовь, и тогда получается, что ненависть была создана Богом. Хуан тихо рассмеялся и стал медленно пробираться среди горшков с заботливо постриженными розами, расставленными на балконе.

Ночь обещала быть очень жаркой, и окно было открыто. Хуан вступил в полутемную комнату и остановился. Он снова прислушался и вновь не услышал ни звука, кроме пения соловьев.

Он стоял совсем тихо и обеими руками держал шпагу, чтобы она не зазвенела.

Неужели она уехала? Или замужем? Или мертва?

Его сердце взывало к ней. Он напряг слух, стараясь различить шорох ее плотных шелковых юбок, и тут же улыбнулся тому, что вообразил, будто она ждет его. Она не знала, что он едет к ней, — должно быть, она спит в своей комнате.

Он тихо вошел в соседнюю комнату. В ней были полностью занавешены окна, и было так темно, что он не видел собственных ног.

— Ана, — тихо прошептал он. — Ана.

Он пошел вперед и что-то задел. Видимо, лютю — ее струны зазвенели в темноте.

Затем Хуан увидел прямо перед собою длинную тонкую линию слабого света. Он предположил, что свет пробивается из-за закрытой двери, и медленно пошел к ней, ведя рукою вдоль стены и касаясь гобеленов и спинок стульев. Дойдя до источника света, он пошарил в поисках дверной ручки и нащупал ее. Она повернулась в его ладони, и дверь открылась.

Он заглянул в маленькую круглую молельню, пропитанную запахом ладана.

Арочный потолок был голубым с золотыми звездами, стены — алыми с позолотой. На маленьком алтаре, опирающемся на множество столбиков, стояла белая алебастровая статуя Девы Марии, увенчанная свежими цветами жасмина.

По обе стороны от Девы горело по четыре свечи на агатовых основаниях. Алтарное облачение и ковровая дорожка, покрывающая четыре ступени, были из пурпурной плотной ткани.

В углу он увидел желтую бархатную скамеечку для молитвы, на ее сиденье лежала большая книга в темно-красном переплете, а рядом стояла, не сводя с него удивленных глаз, донья Ана де Сантофимия.

Хуан закрыл дверь и медленно опустился на колени.

Молельню освещало лишь неяркое голубое пламя серебряной лампы, висящей перед изваянием Святой Девы, которое озаряло алтарь и наполняло остальное пространство молельни трепещущими тенями.

Голову Аны покрывала черная кружевная шаль, сквозь которую поблескивали уже знакомые ему длинные серьги в форме колосков.

Ее расшитое золотом платье, казалось, плавно переходило в богатый орнамент, украшавший стены.

Ее ножки терялись в темноте, как и весь пол, из которого, она, казалось, вырастала, и в чистом свете лампы сияло ее серьезное лицо.

Такой он увидел ее, и при внутреннем свете, горящем в его сердце, он узнавал каждую ее милую черту, скрытую от посторонних. Она сияла для него как драгоценность во тьме или звезда в полночном небе.

Она же увидела его коленопреклоненным в полумраке, со смиренно сложенными руками, и свет играл на стали и золоте ордена Золотого руна совсем так же, как она помнила. Его лицо было поднято к ней в обрамлении белых брыжей. В ее памяти оно было смуглым и страстным, с опущенным взглядом и сладостным ртом.

– Итак, вы пришли, – сказала она и вздохнула.

– Я пришел, – повторил он, и они застыли, глядя друг на друга, разделенные белым изваянием Святой Девы в сияющей короне из жасмина.

Было слышно, как снаружи продолжают выводить свои трели соловьи, и Хуан чувствовал, что из открытого на балкон окна через спальню в молельню слабо доносится аромат ночных цветов.

Ана пошевелилась, и Хуану показалось, что трели птиц и аромат цветов стали отчетливее. Он услышал, как тяжелый подол ее платья шуршит, касаясь пола, и задержал дыхание.

Потом он поднялся.

Она склонилась перед Девой, затем взяла одну из восьми свечей, горевших рядом с изваянием, и прошла мимо него, держа свечу перед собою. Он повернулся и последовал за ней через спальню, которую маленький огонек оставил погруженной в темноту.

Он увидел, как из мрака неясно выступили зеленые занавеси ее кровати и лютня, которую он задел, лежащая на полу, – лютня из розового дерева, украшенная росписью.

Когда она достигла внешней комнаты, в которой принимала его прежде, она поставила свечу на полку в углу и покорно встала под нею.

Хуан понял, что комната освещена гораздо ярче, чем ее могло бы осветить пламя одной свечи, и увидел, что в углу, отражая и тысячекратно усиливая слабый свет свечи, висит на подъемных блоках, закрепленных на потолке, золотой гобелен квадратной формы, изображающий встречу святой Анны и святой Елизаветы. Фигуры святых были словно вырезаны на глубине одного фута, золотые на золотом фоне.

Ана подошла к гобелену.

– Моя мать, – будь благословенна ее память! – начала работать над этим гобеленом, а я завершаю его с тех пор, как мне исполнилось пять лет. Когда он будет готов, он будет отослан Его Святейшеству в Рим на украшение алтаря, – сказала она.

Хуан подошел к гобелену и увидел, что рельефность изображения достигнута с помощью великого множества терпеливых стежков, выполненных золотой нитью, одни поверх других.

– Он настолько тяжел, – объяснила Ана, – что требуется сила двоих мужчин, чтобы поднять его на этих веревках.

Она положила тонкую смуглую руку на подъемные блоки.

Громко пели соловьи. Ана дрожала и не поднимала глаз.

– Я уезжаю, – сказал Хуан.

– Из Испании?

– На галере из Барселоны. Помочь рыцарям святого Иоанна против неверных.

– Вы пришли попрощаться?

– Я пришел сказать, что вернусь.

– Это может оказаться не в вашей власти, дон Хуан.

Пение птиц, аромат цветов, сияние золотого гобелена слились в сознании Хуана; звук, запах и цвет смешались в единое вещество, рассеянное вокруг фигуры Аны.

Кружевная накидка соскользнула с ее головы и упала на плечи, ее волосы засияли прядями чистого света в завитках, которые поддерживал ее высокий черепаховый гребень.

– Ана! – сказал Хуан, – Ана!

Она стояла без движения, лишь серьги дрожали от ее горячего дыхания.

Хуан сел на длинную низкую скамью перед гобеленом.

– Сядьте рядом со мною, – сказал он. – Сядьте поближе.

Она повиновалась и положила свою ладонь в его, она была серьезна и спокойна, но он весь дрожал.

– Вы вернетесь к королю, – сказала она.

– Нет! Я отплыву на Мальту. А затем я вернусь к вам.

– Если любовь будет вести вас, вы вернетесь, – ответила она. – Любит ли вас король так же сильно, как я?

– Насколько сильно вы любите меня, Ана? – отрывисто спросил он.

Она ответила серьезно:

– Я ни разу не думала ни о ком другом с тех пор, как впервые увидела вас.

Она медленно перевела взгляд на его лицо.

– И вы – брат короля. И вы скоро покинете меня. Я очень устала.

Он обнял ее и прижал ее хрупкое тело к своему парчовому дублету. Ему подумалось, что соловьи поют, должно быть, у нее в сердце, если, когда он обнял ее, самый воздух словно стал их пением.

Глава VIII. Алтарное облачение

Он осторожно устроил ее голову на своем плече, и ее волосы прижались к его брыжам.

– Я бы хотела вот так уснуть, – сказала она, – и не просыпаться больше никогда.

Хуан склонился к ее обращенному в сторону лицу и поцеловал неподатливые губы. Ее тело лежало в его руках, тяжелое, как тело уставшего ребенка.

– Когда я вернусь с Мальты, я женюсь на вас, – сказал он, – и тогда вы станете инфантой Испании.

Она запрокинула голову и доверчиво посмотрела на него. Высокий гребень выпал из ее прически и со стуком укатился под раму гобелена, но ни один из них не обратил на это внимания.

– Нет, – ответила она. – Вы будете принадлежать своей судьбе. Вы станете великим человеком. И вы забудете.

– Вы – единственное существо в мире, которое думает обо мне, – сказал он, – кроме разве доньи Магдалены, моей мачехи. Как я могу забыть о вас?

– Король не позволит вам жениться на мне, дон Хуан.

– Я не подчиняюсь королю. Я сам себе хозяин. У меня есть шпага, память об отце и ваша надежда.

– И Господь.

– Не стоит сейчас вспоминать о Господе. Сейчас я не думаю о Нем. Примете ли вы меня как своего рыцаря, Ана?

Она лишь улыбнулась.

– Вы когда-нибудь любили другого? – спросил он.

– Я люблю вас, – ответила она, как будто бы этим было сказано все.

– Но прежде...

– Ах, сеньор, в любви нет никакого прежде. Любят лишь однажды. Но жизнь так длинна, что мы наполняем ее притворством, ведь порою любовь так скоро проходит.

Он с великой нежностью поцеловал ее.

– Откуда вы почерпнули эту мудрость? – спросил он.

– Я лишь недавно стала очень мудрой. Внезапно мне все стало ясно без всяких книг. Я понимаю, почему вы пришли и почему должны уехать. И почему я буду ждать вас, всегда.

Когда он подумал о том, что ему предстояло – о трудностях, о сопротивлении, когда он подумал о своих собственных несбыточных честолюбивых мечтах и о ее нежной вере, он слегка разжал руки, и она, отклонившись назад, оперлась спиной о боковины опор подъемных блоков.

Их тени лежали у их ног, и в полумраке поблескивали металлическим блеском оборки ее юбки.

Хуан перевел взгляд на ее руку, полусомкнутые пальцы которой лежали у нее на коленях. Тень в ее ладони была похожа на ту, которую он заметил как-то в цветке лилии, затененной миртовым кустом. Он коснулся ордена Золотого руна, сияющего на его собственной груди.

– Я ношу голубую розу у самого сердца, – сказал он.

– Ах! Голубую розу! – воскликнула донья Ана. – Мою голубую розу!

Она посмотрела на него долгим взглядом.

– Это всего лишь искусственный цветок. Голубых роз не бывает, и нет на свете совершенной розы.

– Она станет моим знаком, – ответил Хуан. – Вы – совершенная роза, чудесная во всем.

– Вы едете на Мальту? – еле слышно спросила она.

– Да. Чтобы обрести славу, – сказал он просто.

– Славу! – повторила Ана. – Разве это самое главное?

Хуан знал, что да, но он не мог ей этого сказать. Как бы ни жаждал он быть откровенным с нею, сейчас, когда она была совсем рядом, он не желал говорить об этих вещах – ни о том, что он видел в Эскориале, ни о том, что он собирался делать в жизни.

– Вы оставили короля, – добавила она.

– Да.

– Но вы вернетесь к нему, – повторила Ана печально. – Вы не сможете скрыться от короля, как не можете скрыться от Бога.

Хуан молчал. В тот момент ему казалось, что он далеко за пределами досягаемости их обоих. Комната Аны была словно святилище, скрытое как от ужасов мира, так и от кар небесных.

И хотя позади них висело великолепное алтарное облачение, предназначенное для служения Господу – Господу, которому поклонялся Фелипе, перед ними было окно, распахнутое в свежесть темного сада и таинственность спящего города. Даже ветер здесь был совершенно не похож на тот, который веял в коридорах Эскориала.

– Нет, я свободен от короля, – сказал Хуан. – Я достигну величия благодаря собственной доблести.

Он взглянул не на Ану, а на ночь за открытым окном. Вставала луна, и ее сияющий диск светлым пятном смотрел сквозь густую черноту кипарисов.

– И мы будем жить в Вильягасия, – сказал он, думая о доме своего детства.

– Неужели вы смогли бы отказаться от двора? – спросила она.

– Вспомните, ведь вы же сын великого императора.

– И именно благодаря тому, что во мне живет дух моего отца, я достигну цели, – сказал он пылко. – В глубине души я более велик, нежели Фелипе. Господи! Если бы только я был королем.

– Как это возможно? – спросила она, прижимаясь и дрожа, к нему.

– Я мог бы выкроить для себя королевство на востоке – в Азии или Африке.

– О! – сказала она, и это прозвучало словно вскрик кого-то, изгнанного во тьму.

– Или можно отплыть в Новый Свет, – продолжал Хуан.

– И так вы забудете меня.

Он резко повернулся к ней и яростно ответил:

– Нет, ведь все это я делаю для вас, для вас одной.

– Я хочу только, чтобы вы любили меня, – сказала она.

– Совсем скоро я вернусь и увезу вас из Алькалы, увезу навсегда.

Она наклонилась вперед. Ее темные волосы четко выделялись на фоне чистого золота, мерцающий отблеск свечи дрожал на ее платье и украшениях. Хуан поцеловал ее наклоненную шею и щеку отвернувшегося от него лица, а потом ее крепко сжатые руки.

Внезапно он почувствовал великую грусть. Он подумал обо всем печальном, о чем когда-либо слышал, – о королеве, о доне Карлосе, о горящих еретиках, даже о крови, которая неизбежно льется в сражениях, об уставших рабах на галерах и избитых неграх, о голодных нищих... И все это внезапно показалось ему особенно горестным в сравнении с охватившими его умиротворенностью и красотой, ибо в это мгновение он переживал и умиротворенность, и красоту полнее, чем когда-либо мечтал пережить.

– Вам пора уходить, – сказала донья Ана. – Луна уже высоко.

На сердце у него стало еще тяжелее. Хотя она и не произнесла ни слова упрека, он начал думать, что, должно быть, с его стороны было бесчестно прийти сюда. Он знал: если бы о его визите стало известно, для нее это было бы страшнее смерти, и вспомнил свои хвастливые слова о том, что в следующий раз он открыто въедет верхом в ворота дома ее отца.

– Мне не следовало приходить! – воскликнул он.

– Я желала, чтобы вы пришли. Я вас ждала. Каждый вечер я вышиваю алтарное облачение, а затем иду в молельню и молюсь, всегда о том, чтобы вы вернулись.

Она поднялась и встала перед ним, а свеча продолжала гореть позади нее.

И вновь он почувствовал, что здесь он защищен одновременно и от мира, и от небес и что он охотно остался бы здесь навсегда.

Но внутри него было что-то, что жгло яростнее пламени, что гнало его вперед.

– Я вернусь, – сказал он, думая об этом.

– Когда вы найдете живую голубую розу, – ответила донья Ана.

Соловьи молчали, и за садом купола и башни Алькалы сияли в лунном свете.

Пальмы и каштаны, кусты акации и глицинии, розы и лилии в саду легко покачивались в серебристой дымке, над которой устремлялись ввысь кипарис и кедр, темные и неподвижные.

А в комнате с белыми стенами была такая же дымка, только золотая, сияние, которое, казалось, исходило от золотого алтарного облачения, висящего, как лист чистого металла, позади Аны и Хуана.

Он стоял, исполненный печали, и глядел на нее, потрясенный тем, что в любви больше нет радости.

Конечно, он мог быть просто недостоин радостной любви. Или же происходила какая-то несправедливость.

Она медленно повернула голову. Ее волосы свободно упали длинными густыми локонами поверх высокого кружевного воротника.

– О, вы вернетесь, – прошептала она. Ее глаза были бездонными, как море, и хранили столь же много воспоминаний. Она протянула руку перед алтарным облачением, и ее черная шаль соскользнула, обнажив белое запястье и кисть, узкий черный рукав и ниспадающие серебряные кружева, скрепляющие его у локтя зеленой розочкой. Хуан увидел все это так же четко, как отметил все детали инициала в книге, из которой читал вслух, когда Фелипе пришел за Карлосом в комнату королевы.

Сейчас, как и тогда, его глаза отмечали каждую деталь, а все его существо было поглощено одним чувством. Но тогда это чувство было ненавистью, а теперь – любовью.

– Да, я вернусь, – серьезно сказал он, глядя не на лицо ее, но на руку.

– Возьмите мою руку и скажите мне это, – попросила она.

Он повиновался и крепко сжал ее пальцы.

– Я отправлюсь на Мальту, – сказал он, – и разобью турок. И когда я прославлюсь в мире, я вернусь. К вам. Не к королю, а к вам.

Внезапно порыв ветра пронесся по комнате и затрепетал между ними, от него заметался огонек свечи, которая уже догорела почти до самой агатовой подставки.

Ана закрыла глаза ладонями и беззвучно заплакала.

Она стояла спокойно и не всхлипывала, и только вздрагивание ее горла говорило ему, что она плачет.

Он поцеловал ее запястье. Она не пошевелилась, лишь произнесла тихим срывающимся голосом:

– Счастливого пути. Я всегда буду молиться за вас... и ждать.

Теплый ветер подул сильнее, и огонек свечи угас, оставив малый завиток дыма. Но лунный свет упал на алтарное облачение, и оно засияло, озаряя комнату.

Хуан обернулся. Он был настолько уверен в скором возвращении, настолько полон ликующей мыслью о нем, что почти не ощущал боли от прощания.

Еще раз он поцеловал ее запястье, ибо она стала для него столь же недостижимой и священной, как Святая Дева в маленькой темной молельне, увенчанная душистым жасмином.

Она не произнесла более ни слова, и он оставил ее. Миновав горшки с розами, спустившись по ветвям каштана, пройдя мимо фонтана и далее по залитым лунным светом улицам

Алькалы, он устремился к морю, где его ждали галеры, чтобы отвезти навстречу приключениям, в которых он покрыл бы себя славой и смог вернуться, спеша как вестник богов в своих крылатых сандалиях.

Глава IX. Конец приключения

Прибыв в Барселону, дон Хуан обнаружил, что королевские галеры уже отплыли.

Теперь до Мальты нельзя было добраться иначе, чем совершив долгое и утомительное путешествие через Францию, а он своим необдуманным побегом и высокомерным отказом от помощи в Эль-Фрасно лишил себя средств и эскорта.

К тому же против поездки возражал и дон Хуан Мануэль, который был глубоко разочарован им, поэтому настоял на встрече и пригрозил королевской немилостью, если он не вернется.

Так и окончилось великое приключение.

Хуан подумал о словах, которые Ана произнесла той волшебной ночью, когда они стояли вдвоем перед алтарным облачением.

– Вы не можете скрыться ни от Господа, – сказала она, – ни от короля.

И вот теперь Господь Небесный вернул его королю, который был, в конечном счете, господином на земле и от которого невозможно было скрыться.

Двор все еще находился в Сеговии, где ожидал королеву, отправившуюся в Байонну на встречу с матерью, Екатериной Медичи. Дону Хуану не оставалось ничего иного, кроме как вернуться, соблюдая все приличия и лелея надежду на то, что позже ему еще представится случай вновь освободиться и на этот раз добиться доньи Аны, которая теперь казалась ему снова далекой и почти недоступной.

Он поехал обратно в сопровождении исполненного сочувствия, но торжествующего Хуана Мануэля, подавленный провалом своего предприятия и тяжелыми мыслями о том, какую власть имеет над ним дон Фелипе.

Сознание власти брата особенно угнетало его, ему казалось, что его горло как будто стиснула вооруженная рука.

Переживая унижительное разочарование, он размышлял о положении и возможностях короля, и блеск этого положения казался ему ослепительным.

Король мог делать все. Он был наиболее значительной фигурой в мире, большей частью которого управлял из своих маленьких кабинетов, похожих на монашеские кельи, с благочестивыми изображениями на стенах.

Хуан знал, что соглядатаи и агенты короля тайно действуют во всех уголках земного шара и под его бесстрастной тусклой наружностью таится осведомленность практически обо всем, что происходит в мире. Хуан содрогнулся при мысли, что, возможно, королю уже известно и о донье Ане, и о посещении им Алькалы. Король располагал всеми средствами и не подчинялся никаким законам. Он мог делать все, что ему угодно, и боялся одного лишь Бога, а Богу хорошо служил, преследуя еретиков, и священники уже обещали ему вечное спасение. Таким образом, он был всемогущ как в отношении богатых королевств, которые признавали его господство, так и в отношении миллионов подданных, обязанных ему подчиняться.

И никто не имел на него влияния, ни перед кем он не испытывал страха, ни доводы, ни мольбы, ни угрозы никогда не смогли бы заставить его изменить свое мнение. Хуан это ясно увидел и пришел в ужас, поскольку это означало, что он всегда будет служить королю только так, как пожелает король, а не так, как хотел бы он сам.

Существовал, впрочем, один человек, которого дон Фелипе боялся и кто имел на него величайшее влияние, и это была Ана Эболи, жена его министра Руя Гомеса де Сильвы. Но Хуан об этом не знал. В его представлении брат был человеком, неуязвимым для хитростей и полностью лишенным чувств, и ему казалось, что если дон Фелипе решил, что он должен принять сан, то это решение окончательное. Он не придавал большого значения обещаниям принцессы Эболи, не зная о том, что она и только она одна могла заставить Фелипе отказаться от мрачного желания выполнить волю отца и сделать Хуана священником. Но вопреки наполнив-

шей его угнетающей уверенности в могуществе и несокрушимой твердости короля в глубине своей молодой пылкой души он решил, что не уступит, не станет марионеткой Фелипе – монахом, обреченным отринуть все то, к чему сейчас он так страстно стремился. Он подумал, что Фелипе может заставить его, как он заставил королеву наблюдать за сожжением на аутодафе ее собственной фрейлины, и решил, что будет сопротивляться, как никогда не смогла бы сопротивляться Елизавета, и что никогда не согнется, даже если ему будет суждено сломаться.

Ибо он был братом этого человека, великий император был и его отцом. Его сердце сжалось странной болью при мысли, что он всецело находится в руках сына собственного отца. Впервые он серьезно подумал о матери. Он подумал, что ненавидит ее. Его обожгла мысль, что, возможно, он на нее похож, ведь он знал, что в его лице мало сходства с меланхоличными чертами отца. Он и не подозревал и никто не посмел сказать ему, что осанкой и характером он гораздо более напоминает императора, нежели дон Фелипе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.